

ЭДГАР ПО

Золотой жук

ДЕТГИЗ · 1946

Золотой жук

Эдгар Аллан По

Аннотация
Эдгар По. ЗОЛОТОЙ ЖУК
ЭДГАР ПО
ЗОЛОТОЙ ЖУК
НИЗВЕРЖЕНИЕ В МАЛЬСТРЕМ

Аннотация

Рисунки *Н. Кузьмина.*

Эдгар По

ЗОЛОТОЙ ЖУК

БИБЛИОТЕЧКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

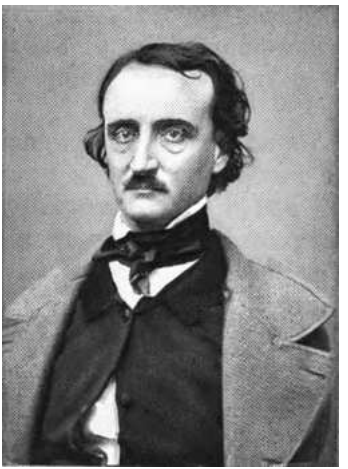
ЭДГАР ПО

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Рисунки Н. Кузьмина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1946 Ленинград

ЭДГАР ПО



В конце сентября 1849 года в вагоне поезда, только что отошедшего из Балтиморы в Филадельфию, кондуктор заметил низенького, худого человека в потрепанной одежде. Человек этот лежал без сознания. Когда он пришел в себя, кондуктор высадил его на первой же станции и отправил обратно в Балтимору, где, как полагал кондуктор, у этого человека должны были быть

родственники или друзья. Неизвестный человек двигался, как во сне, и почти ничего не понимал. Чемодан его был набит рукописями.

В Балтиморе неизвестный вышел из вокзала, сел на уличную скамейку и просидел несколько часов без движения. Потом он упал. Его подобрали и отправили в больницу.

Через несколько дней, 7 октября 1849 года, этот человек умер от болезни, которую врачи не смогли определить. В медальоне на груди умершего нашли портрет молодой женщины необыкновенной красоты. Как потом выяснилось, это был портрет его матери. С ним умерший не расставался всю жизнь.

Так странно и одиноко окончилось существование замечательного американского писателя Эдгара По.

Современники Эдгара По оставили о нем много воспоминаний, но все эти воспоминания написаны так, будто Эдгар По появился в тогдашней Америке, как пришелец с далекой планеты.

О нем писали с почтительным или злым недоумением. Его разглядывали с любопытством и осуждением. Его боялись, но время от времени им восхищались. Он никак не сливался с благопристойной скукой и добропорядочностью,

составлявшими основу жизни американца тридцатых и сороковых годов.

Эдгар По был «блудным сыном» Америки. Самое существование этого поэта, фантаста и неудачника, казалось вызовом ханжеству и рутине. В трезвый век пара и торговых лихорадок появился человек, который жил только силой своего воображения и насмехался над всем, что составляло смысл жизни его соотечественников.

Этого ему не могли простить, за это ему мстили. Его заставили почти всю жизнь голодать, нищенствовать, обивать пороги редакций. При жизни ему платили равнодушием, после смерти — клеветой.

Эта посмертная клевета на Эдгара По вызвала возмущенный возглас французского поэта Бодлера: «Почему в Америке не запрещают собакам ходить на кладбище?»

Эдгар По написал много фантастических рассказов. Он написал много великолепных стихов и поэм, ставших сокровищами не только американской, но и всемирной поэзии.

Его поэмы «Ворон» и «Колокола» справедливо считаются по глубине и поэтической силе мировыми шедеврами.

Кроме того, Эдгар По впервые создал при-

ключенческие и так называемые детективные рассказы, отличавшиеся необыкновенной точностью и блеском анализа. Пожалуй, на первом месте среди таких рассказов стоит «Золотой жук» — рассказ, овеянный острым и волнующим воздухом тайны.

Эдгар По был одним из родоначальников той фантастической литературы, которая получила свое развитие в произведениях Жюль Верна и Герберта Уэллса.

По крови Эдгар По ирландец. Он происходил из старинного ирландского рода. Предки его переселились в Америку. Дед Эдгара участвовал в войне за независимость Соединенных штатов, был генералом и дружил со знаменитым Лафайетом. Отец Эдгара По оставил генеральский дом с его прочным укладом и стал актером. Он женился на английской актрисе Элизабет Арнольд, женщине редкой красоты, сироте, родившейся на палубе корабля среди океана и воспитанной чужими людьми. Родители По переезжали в фургоне из города в город с труппой бродячих актеров.

В 1809 году в Бостоне у них родился сын Эдгар.

Когда Эдгару было всего два года, родители его почти в одно время умерли от чахотки. Мальчика взял на воспитание шотландский купец Джон

Аллен из города Ричмонда в Виргинии.

Эдгар, красивый, своенравный и смелый мальчик, отличавшийся необыкновенной добротой, рос в богатой семье. Вскоре Аллен уехал на пять лет по торговым делам в Англию и взял Эдгара с собой.

То было время битвы при Ватерлоо, пленения Наполеона, молодости Байрона и Пушкина. Ветер романтики бушевал над Европой. Маленький Эдгар учился в школе на окраине Лондона, на тихой улице, обсаженной вековыми вязами. Улица эта выросла по сторонам сохранившейся древней римской дороги. Вся эта обстановка и бледное небо Англии вызывали мечтательность. С детских лет Эдгар дал волю своему воображению и потом с полным правом говорил о себе, что «мечтать было единственным делом моей жизни».

В 1820 году Эдгар вместе с Алленом вернулся в Виргинию и поступил в ричмондскую школу. Учителей этой школы удивляло, что Эдгар «всегда был готов уцепиться за любую трудную умственную задачу». Мальчик великолепно плавал. Он прославился на весь штат тем, что проплыл шесть миль против течения бурной реки. Он мечтал переплыть Ламанш.

Так как будто безоблачно шла жизнь, но в глу-

бине ее пряталась горечь. Эдгар никогда не мог забыть, что он приемыш. Весь характер жизни в доме Аллена был ему чужд и даже враждебен. Чувство одиночества не покидало «странного Эдди». Он очень болезненно и пылко отзывался на проявления доброты по отношению к себе. Случайная знакомая, Елена Стенперд, однажды приласкала его, и он отплатил ей за это глубокой привязанностью. Стенперд вскоре умерла. Эдгар часто ходил на ее могилу, иногда даже засыпал на могиле в слезах, а утром его находили на кладбище слуги шокированного этими «выходками» Джона Аллена.

Разрыв с приемным отцом был неизбежен. Он произошел, когда Эдгар поступил в Виргинианский университет.

Там он жил среди студентов весело и безалаберно. Он поражал всех своей удивительной памятью и немного сумбурной, но необыкновенной речью. Он потрясал слушателей, зачаровывал их, вырывал из привычной действительности и переносил в мир поэзии, вдохновения, тайн и тревог. «Гений-подкидыш», говорили о нем преподаватели и студенты.

Эдгар не окончил университета. Он порвал с приемным отцом, уехал в Бостон, и с этого

времени началась его самостоятельная, порой легендарная бродячая и трудная жизнь.

В Бостоне он выпустил первую книгу своих стихов — «Тамерлан». Потом на шесть лет он исчез из Америки. Никто не знает, что происходило с ним за эти шесть лет. Здесь начинается область легенд. Говорят, что он был в Греции, Италии, участвовал в польском восстании, жил в Петербурге, был ранен во время драки в Марселе и, наконец, якобы служил под вымышленным именем в американской армии. Известно только, что в 1830 году он появился в Вест-Пойнте, в Военной академии, уже усталым, с подорванным здоровьем юношей, но пробыл там недолго. Он несколько раз, очевидно сознательно, нарушил дисциплину, был предан военному суду и исключен из армии. Потом Эдгар По выпустил две новые книги поэм и опять исчез на три года. Появился он в 1833 году в редакции журнала «Субботний гость» в Балтиморе. Он принес в редакцию два рассказа: «Рукопись, найденная в бутылке» и «Низвержение в Мальстрем» и ушел. Рассказы произвели ошеломляющее впечатление. Писатель Кеннеди бросился разыскивать неизвестного автора. Он нашел Эдгара По в холодной каморке, умирающего от голода. Кеннеди

поразило нервное и печальное лицо По, светло оливковый цвет его кожи, живые и напряженные глаза и весь облик этого нищего, державшего себя с необыкновенным достоинством и изяществом подлинного джентльмена.

Рассказы были напечатаны. Слава пришла сразу. Она прокатилась волной по Америке и перебросилась в Старый Свет. Но слава ни разу в жизни не дала Эдгару По ни одного дня, свободного от нужды и забот.

В 1837 году жизнь наконец улыбнулась Эдгару. Он полюбил свою двоюродную сестру Виргинию. Некоторое время спустя Эдгар По обвенчался с нею в Ричмонде. По отзывам всех, кто видел Виргинию, это была девушка, полная внешнего и внутреннего изящества, простоты и ласковости. Она глубоко и преданно любила Эдгара По. Знакомые прозвали ее «Троицын цвет» — по имени нежного цветка, украшавшего поля вокруг Ричмонда.

Виргиния умерла от чахотки, когда ей было всего двадцать пять лет. Эдгар По прожил с ней и с ее матерью Клемм несколько спокойных годов. Он был очень весел в это время, мягок и добр. Когда жить в Нью-Йорке, Ричмонде, Филадельфии и других городах стало уже не по силам из-за

денежных затруднений, По переехал в деревню.

Он жил с Виргинией и ее матерью в маленьком доме, окруженном мириадами цветов и старыми вишневыми деревьями. Поэтесса Френсис Локки вспоминает, как легко и весело работал в это время Эдгар По. Он показывал ей свои рукописи. Писал он на узких и длинных листах бумаги, свернутой в рулоны. По, смеясь, развертывал перед ней эти длинные рукописи и протягивал их через весь сад.

В деревне Эдгар По начал писать очерки о тогдашних американских писателях. Это были язвительные и беспощадные портреты. Литературная Америка всполошилась. Началась обдуманная травля Эдгара По. Ему начали возвращать рукописи из журналов. На него клеветали. Наступили безденежье и нужда. По пришел в отчаяние и начал пить. Все рушилось.

Один из журналов напечатал воззвание к гражданам Америки с просьбой жертвовать деньги и вещи в пользу нищего Эдгара По. Это воззвание о милостыне привело писателя в ярость. Он считал, что его литературные заслуги перед Америкой таковы, что правительство может помочь ему в трудную минуту. Но правительство ответило на обращение Эдгара По грубым отказом.

В январе 1847 года Виргиния умерла в пустом деревенском доме — все было продано. Она умерла на полу, на охапке чистой соломы, застланной белоснежной простыней, умерла, укрытая старым рваным пальто Эдгара По.

Эдгар По пережил Виргинию только на два года. Он сильно страдал, метался по стране. Он искал новых привязанностей, но никто не мог заменить ему Виргинию. Один только человек остался верен Эдгару По до смерти, по-матерински заботился о нем. Это была мать Виргинии, старуха Клемм.

Хоронили Эдгара По в Балтиморе. Хоронили чужие, а может быть, и враждебные люди.

Они заказали очень тяжелую каменную плиту, чтобы положить ее на могилу неспокойного поэта. Как будто тяжестью этой плиты они измеряли свое пренебрежение к нему. Как будто они боялись, что он может встать из могилы — насмешливый и непонятный.

Когда каменную плиту положили на могилу Эдгара По, она раскололась. Весной в трещине проросли занесенные ветром семена полевых цветов, и могила закрылась этими цветами и высокой травой.

Так жил, работал и умер Эдгар По. Жизнь его,

равно как и смерть, лишний раз подтвердила ту истину, что старое общество всегда было жестоко и несправедливо к людям большого таланта и большой души.

К. Паустовский

ЗОЛОТОЙ ЖУК[1]

Смотрите! Эй! Как пляшет этот малый! Его, наверное, ужалил тарантул!

«Все не так».

[1] Примечания: 1
Перевод А. Старцева.

Несколько лет тому назад я близко сошелся с неким Вильямом Леграном. Он принадлежал к старинной гугенотской семье и был когда-то богат, но ряд неудач довел его до разорения. Чтобы избегнуть унизительных последствий этого несчастья, он покинул Нью-Орлеан, город своих предков, и переселился на остров Селливан, близ Чарльстона, в Южной Каролине.

Это весьма замечательный остров. Он состоит почти сплошь из морского песка. Длина его три мили, наибольшая ширина не превышает четверти мили. Он отделен от материка едва заметным проливом, пробирающимся сквозь тину и заросли камыша, приют болотных курочек. Растительность, как легко можно себе представить, скудная, низенькая; сколько-нибудь крупных деревьев совсем нет. Только на западной оконечности острова, вокруг форта Моултри и нескольких жалких домиков, занимаемых в летнее время чарльстонскими жителями, спасающимися от городской пыли и духоты, встречаются колючие карликовые пальмы; но, за исключением этого местечка и нагой белесоватой полосы песка вдоль берега, весь остров одет густыми кустами душистого мирта, столь ценимого английскими садоводами. Местами он

достигает пятнадцати-двадцати футов в вышину, образуя почти непроходимую чащу и наполняя воздух благоуханием.

В самой глубине этой чащи, недалеко от восточной, наиболее удаленной от континента оконечности острова, Легран выстроил сам себе хижину, где и проживал в то время, когда я совершенно случайно познакомился с ним. Знакомство вскоре превратилось в дружбу, так как многие черты в характере милого отшельника возбуждали сочувствие и уважение. Я убедился, что он получил хорошее образование, обладает недюжинным умом, но заражен мизантропией[2] и подвержен странным перемежающимся припадкам энтузиазма и меланхолии. У него было с собой много книг, но он редко обращался к ним. Больше всего он любил охоту, рыбную ловлю, прогулки по морскому берегу и среди зарослей в поисках раковин и насекомых. Его энтомологической коллекции позавидовал бы Сваммердам[3]. В этих экскурсиях его сопровождал старый негр Юпитер, освобожденный еще до разорения, но, несмотря ни на какие угро-

[2] Примечания: 2
Мизантроп — нелюдим, человеконенавистник.

[3] Примечания: 3
Сваммердам Ян (1637-1680) — известный голландский натуралист.

зы и обещания, не соглашавшийся расстаться со своим молодым «масса Виллем». Он считал своим правом всюду следовать за ним. Весьма возможно, что родственники Леграна, опасавшиеся за его рассудок, поддерживали Юпитера в его упрямстве в видах надзора и ухода за беглецом.

На широте острова Селливан зимы редко бывают суровы, и в осенние месяцы почти не приходится топить печи. Однако в половине октября 18.. года выдался исключительно холодный день. Перед самым закатом я пробрался сквозь чащу вечнозеленых кустарников к хижине моего приятеля, которого не навещал уже несколько недель. Я жил тогда в Чарльстоне, в девяти милях от острова, а сообщение между этими двумя пунктами было в те времена далеко не так удобно, как ныне. Добравшись до хижины, я, по обыкновению, постучал и, не получив ответа, отыскал ключ (я знал, где он хранится), отворил дверь и вошел. Яркий огонь пылал в печи. Это была неожиданность — и, разумеется, очень приятная. Я снял пальто, придвинул кресло поближе к весело трещавшим дровам и стал терпеливо ждать прихода хозяев.

Они явились с наступлением темноты и приветствовали меня очень сердечно. Юпитер,

растянув в улыбке рот до ушей, принялся ощипывать болотных курочек и стряпать ужин. Легран оказался на этот раз в припадке энтузиазма — как иначе можно назвать то состояние, в котором он находился? Он нашел неизвестную еще двустворчатую раковину; лучше того — он поймал с помощью Юпитера жука, который ему казался представителем совершенно нового вида и которого он обещал показать мне завтра утром.

— Почему же не сегодня вечером? — спросил я, потирая перед огнем руки и мысленно посылая к чорту всех жуков на свете.

— Да если б я знал, что вы заглянете! — ответил Легран. — Но вы так давно не навещали меня! Мог ли я угадать, что вы придете именно сегодня? Возвращаясь домой, я встретил поручика Г. из форта и имел глупость отдать ему жука, так что вам не удастся увидеть его до завтра. Оставайтесь ночевать. Юп сбегает за ним на рассвете. Это самая прекрасная вещь в мире!

— Что? Рассвет?

— Да нет, чорт возьми, жук!.. Он ярко-золотого цвета, величиной с крупный орех, с двумя черными, как смоль, пятнышками на верхнем конце спинки и третьим, подлиннее, на нижнем. Его усики и голова…

— Олова совсем нет в нем, масса Билль, бьюсь об заклад, — перебил Юпитер, — жук золотой, весь золотой, внутри и снаружи, только крылья не золотые; я никогда не видал такого тяжелого жука.

— Хорошо, допустим, что ты прав, Юп, — сказал Легран, как мне показалось, несколько более серьезным тоном, чем того требовали обстоятельства, — но разве из этого следует, что дичь должна подгореть? Действительно, — продолжал он, обращаясь ко мне, — его цвет почти оправдывает утверждение Юпа. Вряд ли вы когда-нибудь видали надкрылья такого яркого металлического блеска… Да вот завтра сами посмотрите. Пока я постараюсь дать вам понятие о его форме.

С этими словами Легран уселся за столик, на котором стояла чернильница с пером, но бумаги на нем не было. Он пошарил в ящике, но и там ничего не оказалось.

— Все равно, — сказал он наконец, — и эта годится.

Он вытащил из кармана клочок очень грязной старой бумаги и набросал пером рисунок. Пока он возился с ним, я по-прежнему грелся у огня, так как все еще чувствовал озноб. Кончив рисунок, Легран передал его мне, не вставая с места.

В эту минуту послышалось громкое рычанье, и кто-то стал царапаться в дверь. Юпитер отворил, и огромный ньюфаундленд Леграна ворвался в комнату, кинулся мне на плечи и осыпал меня ласками — я очень подружился с ним в мои прежние посещения. Когда он угомонился, я взглянул на бумажку и, правду сказать, весьма заинтересовался рисунком моего друга.

— Да, — сказал я, поглядев на него несколько минут, — признаюсь, странный жук, совершенно для меня новый. Я никогда не видал ничего подобного, кроме разве черепа. На череп же он похож поразительно.

— На череп! — повторил Легран. — А… да… пожалуй, на рисунке он несколько напоминает череп. Два черных верхних пятнышка имеют вид глаз, а длинное нижнее представляет рот, общая форма овальная…

— Может быть, и так, — ответил я, — но, Легран, боюсь, что вы не мастер рисовать. Уж я лучше подожду самого жука, прежде чем судить о его наружности.

— Как хотите, — сказал он, слегка задетый, — но я, кажется, рисую сносно, по крайней мере должен был бы рисовать сносно. Я учился у хороших мастеров и сознаюсь, что не считаю себя совсем

бездарным.

— В таком случае, дружище, вы подшутили надомною, — возразил я, — это очень недурной череп, можно даже сказать, превосходный череп, отвечающий самым точным требованиям остеологии, и если ваш жук похож на него, то это действительно самый странный жук на свете. Он может подать повод к какому-нибудь суеверию. Вы, конечно, назовете его Scarabaeus caput hominis[4] или как-нибудь в этом роде, такие названия часто встречаются в естественной истории. Но где же у него усики?

— Усики! — с непонятной для меня горячностью сказал Легран. — Неужели вы не видите усиков? Я нарисовал их такими же явственными, как и в натуре; надеюсь, этого довольно.

— Ну что ж, — ответил я, — допустим, что вы их нарисовали, но я их не вижу.

И я протянул Леграну бумажку без дальнейших возражений, так как мне не хотелось выводить его из себя. Но меня очень удивлял оборот, который приняла эта история; его раздражение сбивало меня с толку: на рисунке положительно не было никаких усиков, и в целом он изумитель-

---

[4] Примечания: 4
Scarabaeus caput hominis — жук «конец человеку».

но походил на обычное изображение черепа.

Легран с недовольным видом взял бумагу и хотел скомкать ее и бросить в огонь, но, случайно посмотрев на рисунок, остановился, словно прикованный к нему взглядом. Лицо его побагровело, потом сильно побледнело. В течение нескольких минут он, не двигаясь с места, внимательно рассматривал рисунок. Затем встал, взял со стола свечу и уселся на сундуке на другом конце комнаты. Там он снова углубился в рассматривание бумаги, вертя ее во все стороны. Однако он ничего не сказал, и хотя его поведение очень удивляло меня, я не желал расспросами усиливать его раздражение. Наконец Легран достал из кармана бумажник, тщательно уложил в него листок и спрятал в конторку, замкнув ее на ключ. После этого он успокоился, но прежний энтузиазм уже не возвращался к нему. Впрочем, он казался скорее задумчивым, чем угрюмым. Задумчивость эта росла с часу на час, и все мои попытки рассеять ее оставались тщетными. Я хотел было переночевать в хижине, как часто делал это раньше, но при таком настроении хозяина счел более удобным уйти. Он не удерживал меня, но на прощанье пожал мне руку еще сердечнее, чем обычно.

Спустя месяц (в течение которого я ничего не

слыхал о Легране) ко мне в Чарльстон явился его слуга Юпитер. Я никогда еще не видал добродушного старого негра в таком удрученном состоянии и не на шутку испугался: не случилось ли с моим приятелем какой серьезной беды?

— Ну, Юп, — спросил я, — что нового? Как поживает твой господин?

— Сказать правду, масса, поживает он не так хорошо, как бы следовало.

— Нехорошо? Очень грустно слышать это. На что же он жалуется?

— Ах, вот в том-то и дело! Он никогда ни на что не жалуется, но он очень болен.

— Очень болен? Что же ты сразу не сказал! Он лежит?

— Нет, нет, не лежит! Но ему худо. Меня очень беспокоит бедный масса Билль.

— Что ты мелешь, Юпитер! Понять не могу! Ты сказал, что твой господин болен. А он не говорил тебе, что с ним?

— Вы не сердитесь, масса. Масса Билль уверяет, что с ним ничего… Но зачем же тогда он ходит взад и вперед, согнув плечи, опустив голову и белый, как гусь? И зачем все время пишет и пишет цифры?

— Что он пишет, Юп?

— Пишет цифры и значки на грифельной доске. Таких смешных значков я еще никогда не видал. Я боюсь, не спускаю с него глаз. Вчера он убежал на заре и пропал на целый день… Я припас палку, хотел отдуть его, когда он вернется, но он пришел такой печальный, и мне, дураку, стало жалко…

— Вот как! В самом деле? Нет, зачем же такая жестокость! Ты не бей его, Юпитер, он, пожалуй, не вынесет этого. Но что же вызвало эту болезнь, или, вернее, эту перемену в его поведении? Случилось что-нибудь неприятное после того, как я был у вас?

— Нет, масса, после того не было ничего неприятного, а раньше того было. Боюсь, что это случилось в тот самый день.

— Как? Что ты хочешь сказать?

— Да, масса. Я хочу сказать, что это жук, вот и все.

— Что?

— Жук… Я уверен, что золотой жук укусил масса Билля в голову.

— Да почему же ты так думаешь, Юп?

— У него огромные когти и морда. Я никогда не видал такого проклятого жука: он кусает что ни попадется. Масса Билль сперва схватил его за ногу, но тотчас же выпустил, — тогда-то жук

и укусил его. Мне этот жук и его рот не понравились — я не хотел брать его руками, но я взял клочок бумажки и завернул его в нее, да и в рот ему сунул бумажку. Вот как я сделал.

— Так ты думаешь, что жук действительно укусил твоего господина и от этого он заболел?

— Я не думаю, нечего думать, — я знаю. Почему бы ему все видеть во сне золото, коли золотой жук не укусил его? Я слышал уж о них, об этих золотых жуках!

— Да почему ты знаешь, что он видит во сне золото?

— Почему знаю? Да он говорит во сне про жука, вот почему знаю.

— Ну, может быть, ты и прав, Юп, но какому счастливому обстоятельству обязан я сегодня честью твоего посещения?

— Что такое, масса?

— Ты с каким-нибудь поручением от господина Леграна?

— Нет, масса, у меня только вот эта записка.

И Юпитер подал мне бумажку, на которой я прочел:

«Дорогой мой!
Что это вас не видно? Неужели вы оби-

делись на маленькую резкость с моей стороны? Но нет, это слишком невероятно.

С тех пор как мы виделись с вами последний раз, меня одолевают заботы. Мне нужно рассказать вам кое-что, но я не знаю, как за это приняться, не знаю даже, рассказывать ли вообще.

В последнее время мне нездоровилось, и бедный старик Юпитер доконал меня своими заботами. Поверите ли, на днях он вырезал здоровенную дубину и хотел отколотить меня за то, что я ушел утром, не сказав ему, и провел весь день один среди холмов на материке. Кажется, только мой болезненный вид избавил меня от побоев.

Со времени нашей последней встречи я ничего не прибавил к своей коллекции.

Если возможно, приезжайте с Юпитером. Приезжайте. Мне необходимо видеть вас сегодня по важному делу. Уверяю вас, по очень важному делу, Весь ваш

Вильям Легран».

Что-то необычное в тоне этой записки серьезно

встревожило меня. Она совсем не походила на обычные письма Леграна. Что за фантазия пришла ему в голову? Какая новая химера поселилась в его слишком впечатлительном мозгу? Какое «очень важное дело» могло быть у него? Рассказ Юпитера не сулил ничего доброго. Я опасался, что постоянные неудачи в конце концов серьезно повредили рассудок моего друга. Я ни минуты не колебался и отправился вместе с негром.

У берега нас ожидала лодка, на дне которой я увидел косу и три заступа.

— Это что же такое, Юп? — спросил я.

— Это, масса, коса и заступы.

— Вижу. Но зачем они?

— Масса Билль приказал мне купить ему в городе косу и заступы, и я заплатил за них дьявольскую кучу денег.

— Да объясни же мне, во имя всего таинственного, на что твоему «масса Билль» коса и заступы?

— Этого я не знаю, и чорт меня побери, если он сам знает это! Все дело в жуке.

Видя, что от Юпитера, мысли которого сосредоточились на жуке, ничего путного не добьешься, я уселся в лодку и поднял парус. Свежий сильный ветер живо доставил нас в заливчик к северу от форта Моултри; оттуда, сделав около двух миль,

мы подошли к хижине. Было почти три часа пополудни. Легран ждал нас с большим нетерпением. Он пожал мою руку с нервной горячностью, встревожившей меня и усилившей мои зарождающиеся подозрения. Лицо его поразило меня своей прозрачной бледностью, а глубокие глаза его светились неестественным блеском. Осведомившись о его здоровье и не зная, что еще сказать, я спросил, получил ли он наконец жука от поручика Г.

— О да, — ответил он, сильно покраснев, — получил на другое же утро. Я ни за что на свете не расстанусь с этим жуком! Вы знаете, ведь Юпитер-то совершенно прав.

— Как так? — спросил я, и сердце мое сжалось от грустного предчувствия.

— Помните, он говорил, что жук из чистого золота. — Легран произнес эти слова тоном глубокого убеждения, смутившим меня донельзя. — Жуку этому суждено добыть мне богатства, — продолжал он с торжествующей улыбкой, — он возместит мне мое утраченное наследство. Как же мне не дорожить им? Раз фортуна послала мне его, я должен только суметь его использовать, и я найду Золото, на которое он указывает. Юпитер, принеси мне жука!

— Что? Жука, масса? Нет, я не хочу иметь с ним дело, берите его сами!

Легран встал с важным и серьезным видом и, вынув жука из-под стеклянного футляра, где он помещался, поднес его мне. Это был великолепный жук, в то время еще неизвестный естествоиспытателям, — находка бесспорно интересная с научной точки зрения. На верхнем конце спинки у него было два черных круглых пятнышка, на нижнем — одно продолговатое. Твердые блестящие надкрылья горели, как настоящее золото. Насекомое оказалось на редкость тяжелым, так что, приняв в соображение все эти обстоятельства, я не мог удивляться мнению Юпитера, но решительно не понимал, почему Легран соглашается с ним.

— Я послал за вами, — сказал он торжественным тоном, когда я осмотрел жука, — я послал за вами, чтобы просить у вас совета и помощи в осуществлении указаний Судьбы и жука…

— Дорогой Легран, — воскликнул я, перебивая его, — вы положительно нездоровы, вам следует принять меры предосторожности! Лягте-ка в постель, а я останусь с вами несколько дней, пока вы не поправитесь. У вас лихорадка и…

— Пощупайте мой пульс, — сказал он.

Я пощупал и, правду сказать, не заметил ни малейших признаков лихорадки.

— Ну, может быть, не лихорадка, а что-нибудь другое. Послушайтесь меня хоть раз. Прежде всего ложитесь в постель. Потом…

— Вы ошибаетесь, — прервал он меня, — я здоров, как только можно быть здоровым при моем возбуждении. Если вы действительно расположены ко мне, помогите мне избавиться от этого возбуждения.

— Что я должен для этого сделать?

— Самую простую вещь. Я предпринимаю с Юпитером небольшую экскурсию на материк, и нам понадобится помощь третьего лица, на которое мы могли бы положиться. Вы единственный человек, которому я могу довериться. Удастся ли нам наше предприятие, или нет — во всяком случае, возбуждение мое пройдет.

— Я рад вам помочь всем, чем могу, — ответил я, — но скажите: этот проклятый жук имеет связь с вашей экскурсией?

— Да, разумеется.

— В таком случае, Легран, я не могу принять участие в столь нелепом предприятии.

— Жаль, очень жаль! Придется нам взяться за него одним.

— Одним! (Нет, он решительно сумасшедший!) Постайте… Надолго вы думаете отправиться?

— По всей вероятности, на всю ночь. Мы пойдем сейчас и вернемся на рассвете.

— Дайте мне слово, что когда причуда будет исполнена и вы получите от своего жука все, что вам нужно (боже правый!), вы вернетесь домой и будете слушаться моих предписаний, как если бы я был врачом.

— Извольте, даю слово. А теперь в путь, нам нельзя терять времени!

С тяжелым сердцем последовал я за своим другом. Мы отправились в четыре часа — Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер взял косу и заступы; он во что бы то ни стало хотел нести эти орудия сам, по-видимому не столько вследствие усердия или любезности, сколько потому, что боялся дать их в руки своему господину.

Он был зол, как собака, и единственные слова, вырывавшиеся из его уст во все время пути, были: «Проклятый жук!»

Я нес два потайных фонаря. Что до Леграна, то он взял с собой лишь жука, он привязал его на веревочку и размахивал им вокруг себя с видом заклинателя. При виде этого явного доказательства безумия моего друга я едва мог удержаться

от слез. Но я все-таки счел за лучшее потакать его причудам, по крайней мере до тех пор, пока не представится случай принять более энергические меры с надеждой на успех. Мне не удалось, однако, добиться толку относительно цели нашего путешествия. Убедив меня отправиться с ним, Легран, по-видимому, не желал больше разговаривать и на все мои вопросы отвечал только: «Увидим!»

Мы переправились через пролив на челне и, поднявшись на высокий берег материка, пошли к северо-западу по дикой, унылой местности, где, кажется, еще не ступала человеческая нога. Легран двигался без колебаний, останавливаясь время от времени и проверяя путь по заметкам, сделанным им, по-видимому, в одну из прежних прогулок.

Так шли мы часа два и к закату солнца очутились в местности, еще более угрюмой, чем всё, что мы видели до тех пор. То был род плоскогорья у вершины почти неприступного холма, сверху донизу заросшего лесом и усеянного огромными каменными глыбами, которые в беспорядке лежали на его склонах; многие из них скатились бы вниз, если бы их не задерживали деревья. Глубокие ущелья пересекали эту местность во

всех направлениях и придавали ей еще более мрачный и торжественный вид.

Площадка, на которую мы взобрались, так густо заросла цепким кустарником, что без помощи косы невозможно было бы пробраться. Юпитер, по приказанию своего господина, стал пролагать нам тропинку к подножию гигантского тюльпанного дерева, возвышавшегося среди восьми или десяти дубов и далеко превосходившего их и все остальные попадавшиеся в этой местности деревья красотою листвы и очертаний, густотой раскидистых ветвей и общей величавостью.

Когда мы достигли этого дерева, Легран повернулся к Юпитеру и спросил его, сможет ли он на него взобраться. Бедный старик, по-видимому, был несколько удивлен этим вопросом и не сразу ответил. Наконец он приблизился к высокому стволу, медленно обошел вокруг него и внимательно осмотрел дерево. Затем, кончив осмотр, просто сказал:

— Да, масса, Юп еще не видел дерева, на которое не мог бы влезть.

— Ну, так влезай — и живо, а то стемнеет и мы не успеем сделать дела.

— Высоко лезть, масса? — спросил Юпитер.

— Сначала до первых ветвей, а там я скажу…

Постой, захвати с собой жука.

— Жука, масса Билль? Золотого жука?! — воскликнул негр, в страхе отшатнувшись. — Зачем жуку лезть на дерево? Будь я проклят, если возьму его с собой!

— Послушай, Юп, если ты, рослый негр, здоровый, толстый негр, боишься тронуть эту безобидную мертвую тварь, ты можешь держать ее на веревочке, но, во всяком случае, ты возьмешь жука с собой, или я принужден буду проломить тебе голову этим заступом.

— Боже мой, да что такое, масса? — сказал пристыженный Юп, сдаваясь. — Вы всегда готовы обидеть старого негра. Я ведь только пошутил! Чтобы я боялся жука! Велика важность — жук!

Тут он осторожно взял конец веревки и, стараясь держать жука как можно дальше от себя, полез на дерево.

Тюльпанное дерево, великолепнейшее из американских деревьев, в молодости имеет совершенно гладкую кору и часто не дает сучьев до значительной высоты; но с возрастом кора у него становится шероховатой и неровной и на стволе появляется множество коротеньких сучков. Таким образом, взлезть на это дерево было не так трудно, как казалось. Охватив высокий цилиндр

ствола как можно плотнее руками и коленями, цепляясь пальцами за всякий выступ и упираясь ступнями в неровности коры, Юпитер, раза два-три счастливо избежав падения, взобрался наконец на первый большой сук и уселся на нем. считая, по-видимому, свою задачу оконченной. Действительно, главная опасность миновала, хотя сук находился на высоте шестидесяти или семидесяти футов над землей.

— Куда теперь лезть, масса Билль? — спросил он.

— Взбирайся вверх по самой большой ветке, вон той, видишь? — крикнул Легран.

Негр тотчас повиновался и, по-видимому, без особенных затруднений стал взбираться все выше и выше, пока его коренастая фигура не исчезла в густой листве. Тогда послышался его голос:

— До которых же пор мне лезть?

— Высоко ты взобрался?

— Высоко-высоко, — ответил негр. — Так высоко, что сквозь вершину мне видно небо.

— Оставь небо в покое и слушай меня. Сосчитай, сколько ветвей на стволе ниже тебя с этой стороны.

— Одна, две, три, четыре, пять — на шестую я сел, масса.

— Поднимись еще на одну ветку.

Через несколько мгновений Юпитер закричал, что добрался до седьмой.

— Теперь, Юп, — крикнул Легран с очевидным волнением, — подвигайся по этой ветке как можно дальше и, если увидишь на ней что-нибудь особенное, скажи мне.

С этой минуты у меня не осталось никаких сомнений насчет болезненного состояния моего друга. Его помешательство стало для меня очевидным, и я с беспокойством думал, как бы увести его домой. Пока я соображал, как лучше за это взяться, голос Юпитера послышался снова:

— По этому суку страшно лезть, он совсем сухой, он почти весь мертвый.

— Ты говоришь — мертвый, Юпитер? — крикнул Легран прерывающимся от волнения голосом.

— Да, масса, мертвый, как дверной гвоздь, совсем неживой.

— Господи, что же делать! — воскликнул Легран с настоящим отчаянием.

— Что делать? — подхватил я, радуясь случаю вставить разумное слово. — Итти домой и лечь спать. Пойдемте, уже поздно, и притом вспомните ваше обещание.

— Юпитер, — крикнул Легран, не обратив на

мои слова ни малейшего внимания, — ты слышишь меня?

— Да, масса Билль, очень ясно слышу.

— Попробуй дерево ножом — очень оно гнилое?

— Гнилое, масса, довольно гнилое, — ответил спустя несколько мгновений негр, — но все-таки не совсем гнилое. Я мог бы подвинуться по суку еще немного, но только один.

— Один? Что ты хочешь сказать?

— Я говорю про жука, он очень тяжелый. Если я его брошу, сук не сломается под тяжестью одного негра.

— Ах ты чортова каналья! — закричал Легран с видимым облегчением. — Что ты говоришь глупости? Только попробуй у меня бросить жука, я сверну тебе шею! Помни это, Юпитер! Ты меня понимаешь?

— Да, масса, незачем так ругать бедного негра.

— Теперь слушай меня хорошенько! Если ты влезешь на этот сук так далеко, как только можно, и не выпустишь жука, я подарю тебе серебряный доллар.

— Лезу, масса Билль, — быстро ответил негр, — вот… я почти на самом конце.

— На самом конце! — воскликнул, смягчив-

шись, Легран. — Ты хочешь сказать, что ты на самом конце этого сука?

— Сейчас будет конец, масса. О-о-о-ой! Господи боже! Что это тут на дереве?

— Ну, что такое? — радостно воскликнул Легран.

— Э, это только череп — кто-то оставил на суку свою голову, и вороны склевали все мясо.

— Ты говоришь — череп? Отлично! Как он держится на стволе? Чем он прикреплен?

— О! Он хорошо держится... надо посмотреть чем... Вот так штука! Ей-богу, в череп воткнут большой гвоздь! Он прибит к дереву гвоздем!

— Ладно. Юпитер! Теперь делай в точности то, что я буду тебе говорить, слышишь?

— Да, масса.

— Будь же внимателен! Отыщи левый глаз черепа.

— А! Э! Да как же! Тут совсем нет левого глаза.

— Проклятый олух! Там, где был левый глаз! Умеешь ты отличить левую руку от правой?

— Да, умею! Хорошо умею! Левая рука та, которой я колю дрова.

— Ну да, ты левша. И твой левый глаз на той же стороне, где левая рука. Теперь, надеюсь, ты отыщешь левый глаз черепа, или то место, где

был левый глаз. Нашел?

Наступила продолжительная пауза. Наконец негр спросил:

— Левый глаз на черепе там же, где левая рука черепа, да? Но на черепе вовсе нет руки! Ничего, я все-таки нашел левый глаз. Вот левый глаз — что теперь делать?

— Пропусти в него жука, насколько позволит шнурок. только, смотри, не урони его.

— Готово, масса Билль, — очень просто пропустить жука в дырку… вот он внизу.

В течение этого разговора Юпитер оставался невидимым; но насекомое, которое он пропустил в пустую орбиту черепа, показалось на конце шнурка, сверкая, точно шарик червонного золота, в последних лучах заходящего солнца, еще озарявших слабым светом возвышенность, где мы стояли. Жук спускался, раздвигая листья, и если бы Юпитер уронил его, упал бы к нашим ногам. Легран немедленно взял косу и расчистил пространство в три или четыре ярда в поперечнике, как раз под жуком, затем велел Юпитеру выпустить шнурок и слезть с дерева.

С необычайной старательностью мой друг воткнул колышек в том самом месте, где упал жук, и достал из кармана землемерную ленту.

Прикрепив один конец ленты к дереву в ближайшем к колышку пункте, он начал разматывать ее по направлению от дерева через колышек и отмерил таким образом пятьдесят футов; Юпитер расчищал ему в это время дорогу косой. Тут он вколотил другой колышек и велел Юпитеру расчистить вокруг него небольшое пространство, около четырех футов в диаметре. Затем он взял заступ и, дав по заступу мне и Юпитеру, попросил нас рыть как можно усерднее.

По правде сказать, я никогда не питал особого вкуса к такому занятию и охотно отказался бы от этого удовольствия, так как ночь наступала и я был и без того утомлен нашим путешествием; но я не видел возможности отказаться, боясь расстроить моего бедного друга, Если бы я мог рассчитывать на помощь Юпитера, то увел бы безумца домой; но я слишком хорошо знал старого негра, чтобы надеяться на его поддержку в случае личного столкновения с его господином при каких бы то ни было обстоятельствах. Я был уверен, что Легран свихнулся на какой-нибудь из бесчисленных историй о кладах, столь распространенных на юге, и что химера эта засела у него в голове под влиянием находки жука, а быть может, и упорного утверждения Юпитера, будто

жук «из чистого золота».

Мозг, предрасположенный к помешательству, легко поддается таким внушениям, особенно если они согласуются с предвзятыми идеями, и я хорошо помнил слова бедняги о жуке, который «добудет ему богатство». Вообще я был жестоко расстроен, но в конце концов решил покориться неизбежному и взяться за лопату, чтобы поскорее на деле доказать безумцу несостоятельность его мечтаний.

Мы зажгли фонари и принялись за работу с рвением, достойным более разумной цели. Озаренные дрожащим светом фонарей, мы, без сомнения, представляли очень живописную группу, и я невольно подумал, какое странное и дикое впечатление произвела бы наша работа на путника, случайно завернувшего в эти места.

Мы усердно рыли в течение двух часов. Мы мало разговаривали. Больше всего нам мешала собака, лаявшая и, по-видимому, очень интересовавшаяся нашей работой.

Наконец она подняла такой отчаянный вой, что мы стали опасаться, как бы он не возбудил тревоги в окрестных жителях; вернее, этого очень боялся Легран, ибо я, со своей стороны, был бы рад всякому вмешательству, которое помогло бы мне отвести моего бедного друга домой. В конце концов вой этот был прекращен Юпитером, который с решительным видом выскочил из ямы, завязал морду собаке собственной подтяжкой и, значительно ухмыляясь, снова взялся за заступ.

По истечении двух часов мы достигли глубины в пять футов, но никаких следов сокровища не было видно. Мы остановились, и я начал надеяться, что комедия близится к концу. Однако Легран, хотя и очень смущенный, задумчиво вытер потный лоб и снова взялся за заступ. Вырыв яму на пространстве всего расчищенного круга в четыре фута диаметром, мы перешли за эту границу и углубили яму еще на два фута. Ничего не оказалось. Наконец мой искатель кладов, которого мне было глубоко жаль, выскочил из ямы с крайне расстроенным видом и принялся медленно, с неохотой надевать куртку, снятую перед началом работы. Я остерегался сделать какое-либо замечание. Юпитер, по знаку своего господина, стал собирать инструменты. Затем,

развязав морду собаке, мы в глубоком молчании направились домой.

Мы отошли шагов на двенадцать, как вдруг Легран с громким ругательством кинулся на Юпитера и схватил его за ворот. Ошеломленный негр выпучил глаза, разинул рот, уронил инструменты и упал на колени.

— Бездельник! — сквозь зубы прошипел Легран. — Проклятый негодяй! Говори! Отвечай сию же минуту без уверток! Где у тебя… где у тебя левый глаз?

— О, масса Билль! Вот левый глаз, вот он! — ревел испуганный негр, положив руку на правый глаз и плотно прижимая ее, как будто опасаясь за его целость.

— Я так и думал! Я так и знал! Ура! — завопил Легран, оставляя негра и пускаясь в пляс, к великому изумлению своего слуги, который, поднявшись, безмолвно переводил взоры с меня на своего господина и со своего господина на меня.

— Идем! Мы должны вернуться! — сказал последний. — Не все еще потеряно!

И он направился обратно к тюльпанному дереву.

— Юпитер, — сказал Легран, когда мы подошли к подножию, — поди сюда! Как был прибит череп:

лицом наружу или лицом к стволу?

— Лицом наружу, масса, — воронам удобно было клевать глаза.

— Ладно. Так в этот или в тот глаз опустил ты жука?

И Легран поочередно дотронулся до обоих глаз негра.

— В этот, масса, в левый, как вы и приказали, — ответил Юпитер: бедный негр по-прежнему указывал на правый глаз.

— Ну, нужно начать сначала.

Тут мой друг, в помешательстве которого я видел, или думал, что вижу, некоторую методичность, переставил колышек, воткнутый в том месте, где упал жук, на три дюйма к западу. Затем, снова протянув ленту от ближайшей точки ствола к колышку, он отмерил в том же направлении пятьдесят футов и отметил новый пункт в нескольких ярдах от того места, где мы рыли.

Вокруг этого нового центра был расчищен круг несколько шире первого, и мы снова взялись за лопаты. Я устал страшно, но, сам не зная почему, теперь не чувствовал такого отвращения к работе, как прежде. И даже необъяснимым образом заинтересовался ею, мало того — испытывал волнение. Быть может, решительность и какое-то

пророческое вдохновение Леграна действовали на меня. Я усердно рыл и время от времени ловил себя на том, что поглядываю на яму с чувством, весьма похожим на ожидание воображаемого сокровища, мечта о котором свела с ума моего злополучного друга. После полуторачасовой работы, когда безумные мысли эти с особенной силой овладели мной, собака снова принялась неистово лаять. В первый раз лай ее был, очевидно, результатом каприза или веселой шаловливости, но теперь в нем слышались более серьезные и определенные ноты. Юпитер попытался было снова связать ей морду, но собака оказала отчаянное сопротивление и, бросившись в яму, принялась яростно скрести землю лапами. Вскоре она откопала груду человеческих костей — два полных скелета, — среди которых виднелось несколько металлических пуговиц и остатки истлевшей шерстяной ткани. Несколько ударов заступом открыли лезвие большого испанского ножа. Мы углубили яму еще немного и увидали несколько рассыпанных золотых и серебряных монет.

Тут Юпитер едва мог сдержать свою радость, но лицо Леграна отразило ужасное разочарование. Он умолял нас все же продолжать работу, и не успел он окончить свою речь, как я споткнулся и

упал плашмя вперед, зацепив ногою за железное кольцо, наполовину закрытое свежей землей.

Мы с новым жаром принялись за работу; я никогда еще не испытывал такого волнения. Через десять минут мы вырыли продолговатый сундук, удивительно хорошо сохранившийся и твердый, как камень, — очевидно, дерево было пропитано каким-нибудь составом, может быть двухлористой ртутью. Сундук имел три с половиной фута в длину, три фута в ширину и два с половиной в вышину. Он был окован железными полосами, перекрещивавшимися в виде сети. С каждой стороны было по три железных кольца — всего шесть, так, чтобы за него могли взяться шесть человек. Наши соединенные усилия только чуть-чуть сдвинули этот ящик. Мы сразу же убедились в полной невозможности унести такую тяжесть. К счастью, он был заперт только на две задвижки. Мы отперли их, дрожа и задыхаясь от волнения. Неоценимые сокровища предстали нашим глазам. Свет от фонарей падал на яму, и груда золота и драгоценных камней, сверкающая нестерпимым искрящимся блеском, почти ослепила нас.

Не берусь передать мои чувства при виде этого зрелища. Изумление, конечно, господствовало над всем остальным. Легран, казалось, изнемогал

от волнения и не произносил почти ни слова. Что до Юпитера, то лицо его покрылось смертельной бледностью, насколько это возможно для негра. Юпитер казался пораженным громом. Потом он бросился в яме на колени и по локоть засунул свои голые руки в золото, блаженно купаясь в нем. Наконец с глубоким вздохом он воскликнул, словно обращаясь к самому себе:

— И все это золотой жук! Милый золотой жук! Бедный золотой жучок! Я так бранил, так проклинал его! И не стыдно тебе, старый негр? А? Отвечай!

Мне пришлось, так сказать, привести в чувство господина и слугу, дав им понять, что необходимо поскорее унести сокровище. Становилось поздно, и нам следовало поторопиться, если мы хотели, чтобы все очутилось в безопасном месте до рассвета. Мы не знали, как быть, и долго обсуждали этот вопрос: так смутны были наши мысли. В конце концов мы вынули из сундука почти две трети его содержимого, и нам удалось, все еще не бед труда, вытащить его из ямы. Вынутые сокровища были спрятаны в кустарник; пса оставили сторожить их. Юпитер строжайше наказал ему не трогаться с места и не разевать пасти до нашего возвращения. Затем мы поспе-

шили с сундуком домой и добрались к часу ночи до хижины благополучно, но страшно усталые. И Легран, и я, и Юпитер так измучились, что не могли заставить себя тронуться в обратный путь. Мы отдохнули до двух часов, поужинали и снова отправились к холмам, захватив три больших мешка, по счастью найденных нами в хижине. Около четырех часов мы были на месте, разделили на три части остатки сокровища и, не дав себе труда зарыть яму, направились к хижине, где и сложили наш груд как раз в то самое время, когда первые полосы света одарили восток.

Мы были совершенно разбиты, но возбужденное состояние не позволило нам как следует отдохнуть. Проспав часа три-четыре беспокойным сном, мы разом, точно сговорившись, вскочили и принялись осматривать сокровища.

Сундук был полон до краев, и мы провели весь день и часть следующей ночи за разборкой его содержимого. Оно было навалено как попало, бед всякого порядка. Рассортировав его, мы убедились, что обладали богатством, еще большим, чем казалось с первого взгляда. Тут было более четырехсот пятидесяти тысяч долларов звонкой монетой, вычисляя стоимость монет по существующим расчетам. Серебра вовсе не было

— исключительно золотые, старинной чеканки и разных стран: французские, испанские, немецкие, несколько английских гиней и каких-то монет, о которых мы и понятия не имели. Попадались тяжелые большие монеты, настолько стертые, что нельзя было разобрать их надписи. Американских не было вовсе. Стоимость драгоценных камней мы несколько затруднялись определить. Были тут алмазы — некоторые из них громадные и замечательной красоты, — всего сто десять штук, в их числе ни одного мелкого; восемнадцать рубинов удивительного блеска; триста десять прекрасных изумрудов; двадцать один сапфир и один опал. Все эти камни были вынуты из оправ и грудою свалены в сундук. Самые оправы были, казалось, сплющены молотком, по всей вероятности для того, чтобы их не могли узнать. Кроме всего этого, в сундуке оказалось множество золотых украшений: около двухсот массивных колец и серег; великолепные цепи, если не ошибаюсь — тридцать штук; восемьдесят три больших тяжелых распятия; огромная золотая пуншевая чаша, украшенная резьбой в виде виноградных листьев и вакхических фигур; пять золотых очень ценных кадильниц; две рукоятки шпаг замечательной работы и масса

мелких вещиц, которых я не упомню. Вес этих драгоценностей превосходил триста пятьдесят фунтов, не считая ста девяноста семи великолепных золотых часов, в числе которых трое стоили не менее чем по пятьсот долларов. Многие из них были очень старинной работы, с попорченным механизмом, негодные для употребления, но с богатыми инкрустациями и в дорогих футлярах. Стоимость всего содержимого ящика мы определили в эту ночь в полтора миллиона долларов, но впоследствии, по продаже драгоценностей и золотых вещей (мы сохранили лишь немногие для собственного употребления), оказалось, что оценка наша была чрезвычайно низка.

Когда наконец мы кончили разборку и общее волнение несколько улеглось, Легран, видя, что я сгораю от нетерпения узнать разгадку этой необычайной истории, приступил к подробному рассказу всех относящихся к ней обстоятельств.

— Вы помните, — сказал он, — тот вечер, когда я показал вам беглый набросок жука. Вы помните также, я рассердился на вас за то, что вы уверяли, будто мой рисунок напоминает череп. Сначала я думал, что вы шутите, но, вспомнив об особенных пятнышках на спинке насекомого, согласился, что ваше сравнение не лишено основания. Но

все же насмешка над моими художественными способностями задела меня, так как я считаюсь хорошим рисовальщиком, и когда вы возвратили мне клочок пергамента, я всердцах хотел скомкать его и бросить в печку.

— Клочок бумаги, хотите вы сказать? — заметил я.

— Нет, я сам думал сначала, что это бумага, но, начав рисовать, тотчас убедился, что это клочок очень тонкого пергамента. Он был очень грязен, вы, верно, помните. Так вот, собираясь скомкать его, я мельком взглянул на рисунок, который вы рассматривали, и можете себе представить мое изумление, когда я действительно увидел череп в том месте, где, казалось мне, я нарисовал жука. В первую минуту я ничего не мог понять. Я знал, что мой рисунок в деталях резко отличался от этого, хотя в общих очертаниях было известное сходство. Я взял тогда свечу и, усевшись в другом конце комнаты, стал тщательно исследовать пергамент. Повернув его, я нашел свой рисунок на другой стороне. Первое, что я почувствовал, было удивление: в контурах рисунков было поистине странное сходство, и благодаря поразительному совпадению рисунок черепа находился (неведомо для меня) как раз под моим рисунком и

походил на него не только очертаниями, но и размерами. Знаете, это странное совпадение в первую минуту совершенно ошеломило меня. Таково обычное действие подобных происшествий. Рассудок старается установить связь явлений, отношения причины и следствия и, не будучи в силах сделать это, на минуту как бы парализуется. Но, собравшись с мыслями, я мало-помалу пришел к убеждению, поразившему меня еще сильнее. Я совершенно отчетливо, ясно вспомнил, что никакого другого рисунка на пергаменте не было, когда я рисовал моего жука. Я был в этом уверен, так как помнил, что переворачивал клочок несколько раз, отыскивая место почище. Будь на нем рисунок черепа, я не мог бы не заметить его. Тут была загадка, которой я не мог объяснить; но даже в эту первую минуту в скрытых тайниках моего разума замерцало, подобно светляку, предвидение разгадки, так блистательно оправдавшееся в прошлую ночь. Я решительно поднялся и, спрятав пергамент, отложил всякую попытку дальнейшего разъяснения до того, как останусь один.

Когда вы ушли, а Юпитер лег спать, я принялся за более методическое расследование. Прежде всего я постарался вспомнить, каким образом

этот пергамент попал мне в руки. Мы нашли жука на берегу, на материке, приблизительно в миле к востоку от острова и невдалеке от линии пролива. Когда я схватил его, он укусил меня так сильно, что я его выпустил. Юпитер со своей обычной осторожностью, прежде чем взять отлетевшего жука, оглянулся, нет ли поблизости листа или чего-нибудь в этом роде. В ту же минуту его взгляд — и мой также — упал на клочок пергамента, показавшегося мне тогда бумагой. Он лежал полузакрытый в песке, один уголок его торчал наружу. Поблизости я заметил остатки лодки, походившей размерами на корабельную шлюпку. Эти обломки гнили здесь, должно быть, давно, ибо они уже утратили почти всякую форму.

Итак, Юпитер подобрал пергамент, завернул в него жука и передал мне. Вскоре после этого мы отправились домой и по дороге встретили лейтенанта Г. Я показал ему насекомое, и он попросил разрешения взять его с собой в форт. Я согласился, он положил жука в карман, а пергамент остался у меня в руках. Может быть, он боялся, что я передумаю, и оттого поспешил спрятать жука — вы знаете его пристрастие к естественной истории. Очевидно, тогда я совершенно машинально су-

нул пергамент в карман.

Вы помните, что, усевшись за стол, чтобы нарисовать жука, я не нашел под рукой бумаги. Я заглянул в ящик, но там ее не оказалось. Я пошарил в карманах, надеясь найти какое-нибудь старое письмо, и мне попался пергамент. Я описываю с такими подробностями все обстоятельства, вследствие которых он оказался у меня в руках, потому что обстоятельства эти произвели на меня глубокое впечатление.

Без сомнения, вы сочтете меня фантазером, но я к этому времени уже установил некоторые логические связи. Я соединил два звена длинной цепи. На берегу лежала шлюпка; недалеко от нее пергамент — не бумага, заметьте, — с изображением черепа. Вы, конечно, спросите: «Какая же тут связь?» Я отвечу, что череп как символ смерти — принятая эмблема пиратов. Нападая или защищаясь, они всегда поднимали флаг с изображением черепа.

Я сказал, что находка оказалась пергаментом, а не бумагой. Пергамент сохраняется долго, почти вечно. Для записей, не имеющих значения, редко употребляют пергамент, тем более что на нем гораздо менее удобно рисовать или писать, чем на бумаге. Это соображение наводило на мысль,

заставляло думать об особом смысле, о тайне, связанной с изображением черепа. Я не мог не обратить внимания и на форму пергамента. Хотя один из его уголков был оборван (случайно, надо думать), ясно было, что первоначальная форма его продолговатая. Словом, это был именно такой пергамент, какие употребляются для важных документов, для записей, которые надо долго и тщательно хранить…

— Позвольте, — перебил я, — вы сказали, что черепа не было на пергаменте, когда вы начали рисовать. Как же вы устанавливаете связь между лодкой и черепом, раз этот череп, по вашим же словам, был нарисован (бог знает как и кем) уже после того, как вы нарисовали жука?

— А на этом-то и держится вся тайна; хотя именно в этой части разгадка не представила для меня особых затруднений. Ход моих мыслей был строго логичен и мог привести лишь к одному выводу. Я рассуждал так: когда я рисовал жука, на пергаменте не было и следов черепа. Кончив рисунок, я передал его вам и не спускал с вас глаз все время, пока вы не возвратили мне листка. Стало быть, вы не могли нарисовать череп, а кроме вас, рисовать было некому. Следовательно, он не был никем нарисован. Тем не менее он был

тут, у меня перед глазами.

Добравшись до этого пункта своих рассуждений, я стал припоминать и припомнил с полной точностью все, что происходило в течение этого времени. Погода была холодная (о, редкая и счастливая случайность!), и в печке пылал огонь. Я разогрелся от ходьбы и сел за стол. Вы же придвинули стул к самой печке. Как только я передал вам пергамент и вы собрались рассматривать его, Волк, мой ньюфаундленд, ворвался в комнату и бросился к вам прямо на плечи. Левой рукой вы погладили и отстранили его, а правую, с пергаментом, машинально опустили между колен к самому огню. Я уже думал, что пергамент вспыхнет, и хотел предупредить вас, но, прежде чем я заговорил, вы подняли руку и стали рассматривать рисунок. Сопоставив все эти факты, я не мог ни минуты сомневаться, что причиной, вызвавшей на пергаменте изображение черепа, было действие теплоты. Вы знаете, что существуют с незапамятных времен химические составы, с помощью которых можно писать на бумаге или пергаменте невидимыми буквами, обнаруживающимися только при действии на них огня. Иногда употребляют раствор сафлора в азотной кислоте, разведенный четырьмя объ-

емами воды, тогда получаются зеленые буквы. Кобальтовый королек, растворенный в нитрокислоте, дает красные буквы. Цвет исчезает вскоре после охлаждения бумаги, но появляется снова, стоит только вновь ее нагреть.

Я внимательно рассмотрел тогда изображение черепа. Его внешние, то есть ближние к краям пергамента, очертания выделялись резче, чем остальная часть рисунка. Очевидно, действие теплоты было неравномерно. Я тотчас развел огонь и стал тщательно нагревать пергамент. Сначала яснее выступили очертания черепа, но потом в углу листка, противостоящем по диагонали тому, где находился рисунок черепа, появилась фигура, которую я принял сначала за изображение козы. При ближайшем исследовании я убедился, что оно походит скорее на козленка.

— А... а, — сказал я, — я не вправе смеяться над вами — полтора миллиона долларов не тема для легкомысленных шуток, — но вы не отыщете третьего звена цепи, вам не удастся установить связь между вашими пиратами и козою — пираты, как известно, не имели дела с козами.

— Но ведь я только что сказал, что фигура не была изображением козы.

— Ну, козленка, это почти одно и то же.

— Почти, но не совсем, — возразил Легран. — Приходилось ли вам слышать о неком капитане Кидде (Kidd и Kid — козленок); игра слов здесь напрашивается сама собой. При первом же взгляде на рисунок мне пришло в голову, что это должна быть символическая или иероглифическая подпись. Я говорю подпись, потому что место, которое он на пергаменте занимал, заставляло предполагать именно это. Изображение черепа в противоположном по диагонали углу можно было по тем же мотивам посчитать за печать. Но меня жестоко сбивало с толку отсутствие главного текста моего воображаемого документа.

— Вы ожидали найти запись между печатью и подписью?

— Да, в этом роде. Дело в том, что я проникся предчувствием огромного богатства. Почему — я и сам не знаю. Может быть, это была скорее преднамеренность, чем вера; но, представьте, нелепые слова Юпитера о том, что жук из чистого золота, оказали на мое воображение замечательное действие. Потом эта цепь случайностей и совпадений — не было ли это странно? Надо же было всем этим событиям произойти в тот единственный день в течение целого года, когда холод заставил затопить печку, а не будь печка

затоплена или появись собака минутой позднее, я никогда не узнал бы о существовании черепа, никогда не завладел бы сокровищем.

— Продолжайте же, я сгораю от нетерпения.

— Хорошо. Так вы, без сомнения, слышали рассказы — тысячи смутных преданий о сокровище, зарытом где-то на Атлантическом побережье Киддом и его соратниками. Эти толки должны были иметь некоторое основание. И если они в течение такого долгого времени и так упорно продолжали жить, то лишь потому, казалось мне, что зарытое сокровище до сих пор еще не было найдено. Если бы Кидд спрятал свою добычу только на время, а потом снова забрал бы ее, вряд ли эти предания дошли бы до нас в столь неизменной форме. Заметьте, что все они рассказывают о поисках клада, а не о найденных сокровищах. Если бы пират отрыл свое богатство, о нем вскоре бы замолчали. Мне казалось, что какая-нибудь случайность, например потеря плана, на котором было обозначено точное местонахождение сокровища, лишила пирата возможности отыскать его. Я предполагал далее, что это обстоятельство сделалось известным его товарищам, которых иначе он никогда не посвятил бы в тайну, и что своими бесплодными поисками в различных ме-

стах они подали повод к этим толкам, дошедшим до нас в виде старых преданий. Приходилось ли вам когда-нибудь слышать о нахождении на этом берегу большого клада?

— Никогда.

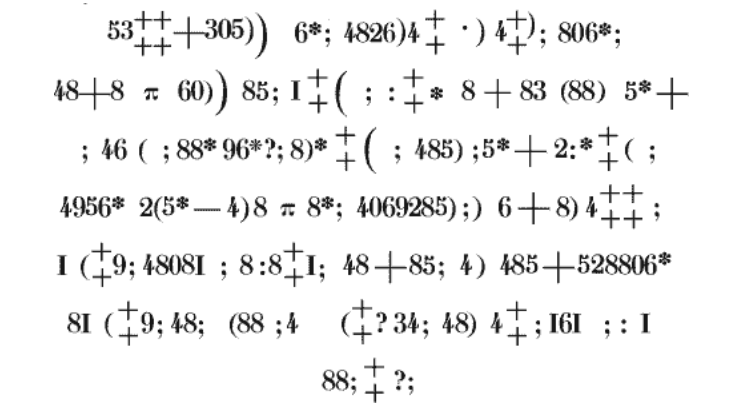
— А между тем хорошо известно, что Кидд собрал несметные богатства. И я пришел к убеждению, что земля еще хранит их. Вам не должно показаться странным, что во мне затеплилась надежда, почти граничащая с уверенностью, что пергамент, так странно попавший в мои руки, содержит исчезнувшие указания на место, где был зарыт неведомый клад.

— Но как же вы их обнаружили?

— Я снова стал нагревать пергамент, усиливая постепенно огонь. Но буквы не появлялись. Я вспомнил о слое грязи и осторожно обмыл пергамент, поливая его теплой водой, потом положил его на жестяную сковороду рисунком вниз и поставил на уголья. Через несколько минут сковорода накалилась, я снял листок и с невыразимой радостью заметил на нем какие-то знаки, похожие на цифры, расположенные строчками. Я снова положил листок на сковороду и подержал его там еще минуту. После этого выступила вся надпись — так, как вы ее сейчас увидите.

Тут Легран погрел у огня пергамент и передал его мне.

Я увидел между черепом и козленком следующие Знаки, грубо начертанные красными чернилами:



— Но, — сказал я, возвращая ему листок, — для меня это китайская грамота. Я ничего не разобрал бы тут, хотя бы меня ожидали все алмазы Голконды.

— А между тем, — возразил Легран, — разгадать такой шифр не так трудно, как это может показаться с первого взгляда. Очевидно, это шифр, но, зная, что представлял собою Кидд, я не считал

его способным на составление очень сложной криптограммы. Я тотчас решил, что шифр должен быть очень простой, однако такой, который примитивному воображению моряка должен был казаться совершенно неразгадываемым.

— И вы разобрали его?

— Без труда. Такие ли шифры мне случалось разбирать! Обстоятельства и природная склонность ума способствовали моему интересу к подобного рода загадкам, и я склонен думать, что человеческое остроумие не в силах изобрести такой шифр, которого человеческое же остроумие, надлежаще направленное, не сумело бы разгадать. Имея в руках зашифрованный текст в приличной сохранности, я никогда не затруднялся раскрыть его смысл.

Прежде всего предо мной встал, как всегда в этих случаях, вопрос о языке текста, так как принципы решения, особенно в простых шифрах, зависят от строя языка и соответственно различаются. Большею частью решающему приходится пробовать последовательно (руководясь вероятностью) все языки, ему известные, пока он не нападет на след. Здесь, однако, это затруднение устранялось подписью. Игра слов «Kidd» и «Kid» свидетельствовала в пользу английского языка.

Не будь этого, я начал бы с испанского или французского, так как пираты испанского побережья, всего вероятнее, прибегли бы к этим языкам. Таким образом, я предположил, что криптограмма написана по-английски.

Вы замечаете, что текст здесь идет в сплошную строку? Если бы отдельные слова были выделены, задача значительно упростилась бы. В таком случае я начал бы с анализа самых коротких слов, и если бы попалось слово, состоящее из одной буквы (вроде, например, ***a*** или ***I***), я считал бы свою задачу решенной. Но раз слова шли сплошь, мне предстояло определить сравнительную частоту знаков в этом тексте. Подсчитав их, я составил следующую табличку:

Знак 8	встречается	33 раза
;	»	26 »
4	»	19 »
‡)	»	16 »
*	»	13 »
5	»	12 »
6	»	11 »
+ I	»	8 »
0	»	6 »
92	»	5 »
:3	»	4 »
?	»	3 »
π	»	2 »
—.	»	1 »

В английском тексте чаще всего, как известно, встречается буква ***e***. Остальные следуют в таком порядке: ***a o i d h n r s t u y c f g l m w b k p q x z***. ***E***, однако, господствует в такой степени, что в маломальски длинной фразе это почти всегда самая частая буква. Итак, у нас уже с самого начала есть база для решения, не одни только догадки. Ясно, какое употребление можно сделать из такого рода таблицы, но в этом шифре мы ею воспользуемся лишь в малой мере. Начнем с того, что будем считать господствующий знак ***8*** за букву ***e***. Чтобы проверить это предположение, посмотрим, часто

ли ***8*** встречается два раза подряд, потому что буква ***e*** в английском языке постоянно удваивается, например в словах meet, speed, seen, been, agree и т. д. Здесь, как видите, знак ***8*** удваивается пять раз, хотя криптограмма очень короткая.

Итак, пусть ***8*** означает ***e***. Теперь из всех слов в английском языке самое употребительное — определенный артикль the. Следовательно, надо посмотреть, не повторяется ли тут несколько раз одно и то же сочетание трех знаков, в котором последним был бы ***8***. Если мы найдем такие сочетания, то очень вероятно, что они будут представлять слово the.

Рассмотрев криптограмму, мы находим не менее семи раз сочетание знаков ***;48***. Мы можем, следовательно, предположить, что знак ***;*** означает t, ***4*** — h и ***8*** — e. Значение последнего, таким образом, попутно подтверждается. Вот уже важный шаг вперед.

Мы определили только одно слово, но это уже дает нам громадное преимущество, позволяет определить границы некоторых других слов. Возьмем, например, предпоследнее из сочетаний ***;48***. Следующий за ним знак ***;*** является, очевидно, начальной буквой слова, а из пяти дальнейших знаков мы знаем целых четыре. Заменим же эти

шесть знаков соответствующими им буквами, оставив свободное место для неизвестного —

t.eeth

Прежде всего нужно отделить буквы th, потому что такого окончания нет ни у одного слова, начинающегося с t, в этом легко убедиться, поставив все буквы алфавита по очереди на место недостающей. Отделив th, мы получаем:

t.ee

и опять-таки, перепробовав, если нужно, все буквы алфавита, убеждаемся, что оно может быть только словом tree (дерево).

Таким образом, мы узнали еще букву r, обозначаемую посредством ***(***, и получили слова the tree (дерево).

Несколько дальше мы вновь встречаем сочетание ***;48***. Воспользуемся им, чтобы определить окончание. Мы имеем следующий ряд:

the tree ; 4 (‡ ? 34 the.

Заменив известные уже нам знаки буквами, получаем:

the tree thr ‡ ? 3 h the.

Теперь, подставив вместо неизвестных нам знаков точки, читаем: the tree thr...h the — тут слово through (через) напрашивается, так сказать, само собою. Но это открытие дает нам еще три буквы ***o***, ***u***, ***g***, обозначаемые посредством ‡,?.

Поищем теперь внимательно в криптограмме сочетания известных нам букв, и мы найдем недалеко от начала группу ***83 (88***, или egree, которая, очевидно, может быть только окончанием слова degree (градус) и дает нам еще букву ***d***, обозначаемую +.

Через четыре точки после слова «градус» встречаем сочетание ***;46(;88****.

Заменив известные нам знаки буквами, а неизвестный — точкой, получим th.rtee, что немедленно подсказывает нам слово thirteen (тринадцать). Мы узнаем таким образом еще две буквы: ***i*** и ***n***, обозначаемые посредством ***6*** и *******.

Обращаясь к началу криптограммы, находим сочетание:

53 ‡‡ †

Подставляя буквы, как мы уже это делали, мы

читаем good (хорошее), откуда следует, что первая буква есть ***A***, а первые слова: A good (хорошее).

Теперь, во избежание путаницы, расположим наши изыскания в виде таблички. Тогда у нас будет начало ключа:

5	означает	a			
+	»	d	*	означает	n
8	»	e	‡	»	o
3	»	g	(	»	r
4	»	h	;	»	t
6	»	i	?	»	u

Таким образом, мы получили одиннадцать самых важных букв. Я думаю, нет надобности рассказывать вам, как я определил остальное. Вам теперь ясно, в чем суть подобного шифра и как к нему подходить. Напоминаю вам, впрочем, что наша криптограмма относится к разряду самых простых криптограмм. Теперь мне остается только заменить все знаки буквами, то есть дать вам полный перевод шифра. Вот он:

> «A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat forty one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye

of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out».

«Хорошее стекло в доме епископа на чортовом стуле сорок один градус тринадцать минут норд-норд-ост главный ствол седьмой сук восточная сторона стрелять из левого глаза мертвой головы прямая линия от дерева через выстрел на пятьдесят футов дальше».

— Что же, — сказал я, — я не вижу большого улучшения. Это же сущая тарабарщина: «дом епископа», «мертвая голова» и «чортов стул».

— Не отрицаю, — ответил Легран, — на первый взгляд текст кажется довольно темным. Прежде всего я постарался разбить его на отдельные предложения.

— Расставить знаки препинания?

— Да, нечто в этом роде.

— Но как же вам это удалось сделать?

— Я предположил, что автор криптограммы, стремясь осложнить разгадку шифра, с умыслом писал в сплошную строку. Задавшись такой целью, человек не очень тонкий непременно должен был перейти меру. Там, где кончается предложение и требуется пауза, он, наоборот, ставит знаки теснее, чем в остальном тексте.

Вглядитесь внимательно в эту рукопись, вы найдете пять таких мест. Основываясь на этом, я разделил текст следующим образом:

> «Хорошее стекло в доме епископа на чортовом стуле — сорок один градус тринадцать минут — норд-норд-ост — главный ствол седьмой сук восточная сторона — стрелять из левого глаза мертвой головы — прямая линия от дерева через выстрел пятьдесят футов дальше».

— Допустим, — сказал я, — но все равно смысл остается для меня темен.

— И для меня он оставался темным, — возразил Легран, — в течение нескольких дней, пока я разузнавал, нет ли где по соседству с островом Селливан какого-нибудь строения, называемого «домом епископа». Не добившись толку, я намеревался расширить сферу моих поисков и приняться за них более систематично, когда однажды утром мне пришло в голову, что слова «дом епископа» (bishop's hostel) могут относиться к старинной фамилии «Bessop», когда-то, в незапамятные времена, владевшей усадьбой в пяти милях к северу от острова. Я отправился туда и принялся расспрашивать старых негров

на плантации. Наконец одна древняя старушка сказала мне, что она слыхала про место, называемое «замок епископа», и может меня провести туда, но что это вовсе не замок и даже не трактир, а высокая скала.

Я обещал хорошо заплатить за труды, и после некоторого колебания она согласилась проводить меня на это место. Мы нашли его без особого труда, затем я отпустил ее и принялся за исследование местности. «Замок» состоял из группы скал и утесов, один из которых особенно выделялся высотой и необычной формой, напоминавшей искусственное сооружение. Я взобрался на его вершину и почувствовал себя в затруднении, не зная, что предпринять дальше.

Пока я размышлял, взгляд мой упал на узкий выступ на восточном скате утеса приблизительно на ярд ниже того места, где я стоял. Он выдавался дюймов на восемнадцать и в ширину имел не более фута; над ним в стене утеса находилось углубление, так что в общем он напоминал старинные стулья с изогнутыми спинками. Я сразу же понял, что это и есть «чортов стул», о котором упоминается в пергаменте, и ключ к загадке был у меня в руках.

«Хорошее стекло» могло означать только

подзорную трубу, так как слово «стекло» часто употребляется моряками именно в этом смысле. Очевидно, нужно было смотреть отсюда в подзорную трубу из определенного фиксированного положения. Слова «сорок один градус тринадцать минут» и «норд-норд-ост» указывали направление трубы. Взволнованный этими открытиями, я поспешил домой, взял подзорную трубу и вернулся на утес.

Спустившись на выступ, я убедился, что на нем можно было сидеть только в одном определенном положении. Это подтверждало мои догадки. Я взялся за подзорную трубу. Указание «сорок один градус тринадцать минут» могло относиться только к высоте над видимым горизонтом, так как горизонтальное направление указывалось в словах «норд-норд-ост». Определив его с помощью карманного компаса, я установил трубу приблизительно под углом в сорок один градус и стал осторожно передвигать ее по вертикали, пока взгляд мой не остановился на круглом просвете в листве огромного дерева, значительно возвышавшегося над другими. В центре просвета я заметил белое пятнышко, но сначала не мог разобрать, что оно собою представляет. Отрегулировав трубу, я убедился, что это был

человеческий череп.

Теперь загадка была окончательно решена, потому что слова «главный ствол, седьмой сук, восточная сторона» могли относиться только к положению черепа на дереве, а выражение «стрелять из левого глаза мертвой головы» допускало тоже лишь одно объяснение: нужно опустить пулю в левую орбиту черепа. Далее следовало провести «прямую линию» от ближайшей точки дерева через «выстрел», то есть через место попадания пули, и отмерить пятьдесят футов в этом направлении. Таким образом определялось место, в котором могло быть зарыто сокровище.

— Все это звучит очень убедительно, — сказал я, — и при всей запутанности просто и логично. Что вы предприняли дальше?

— Заметив хорошенько дерево, я вернулся домой. Как только я встал с «чортова стула», просвет в листве дерева исчез, и я не мог его найти больше, несмотря на все мои старания. Все остроумие замысла, по-моему, в том и заключалось, что этот просвет, как я убедился, повторив несколько раз опыт, можно видеть лишь с единственного пункта — с узкого выступа скалы.

В этой экскурсии в «дом епископа» меня сопровождал Юпитер, без сомнения заметивший

мое странное поведение за последнее время и решительно не отстававший от меня. Но на следующий день я поднялся очень рано, ускользнул от него и отправился разыскивать дерево. Я нашел его с большим трудом.

Когда я вернулся вечером домой, Юпитер собирался поколотить меня. Что было дальше, вы знаете теперь сами.

— Нужно думать, — сказал я, — в первый раз вы ошиблись местом по милости Юпитера, опустившего жука не в левый, а в правый глаз черепа?

— Разумеется. Разница составляет всего два с половиной дюйма в отношении «выстрела», то есть первого колышка; и если бы сокровище находилось под выстрелом, эта ошибка не имела бы значения; но «выстрел» и ближайшая к нему точка дерева указывали только направление; и как бы ни была незначительна разница в исходном пункте, она возрастала по мере удаления от дерева, а на расстоянии пятидесяти футов делалась очень существенной. Не будь я так глубоко убежден, что зарытое сокровище находится где-нибудь поблизости, все наши труды пропали бы даром.

— Но ваш высокоторжественный тон, ваши загадочные манипуляции с жуком, что это за

чудачество? Я был уверен, что вы помешались! И почему вам вздумалось вместо пули опустить в череп непременно жука?

— Видите ли, сказать правду, я был раздосадован вашими сомнениями насчет моего рассудка и решил отплатить вам маленькой мистификацией. Вот почему я проделывал все эти штуки с жуком и воспользовался им вместо пули. Ваше замечание о его тяжести подало мне эту мысль.

— Понимаю. Теперь остается еще один вопрос. Откуда взялись скелеты, что мы отрыли?

— Ну, об этом я так же мало знаю, как и вы. Кажется, тут возможно только одно объяснение, хотя оно предполагает такую страшную жестокость, что подумать жутко. Ясно, что Кидд — если только это сокровище Кидда, в чем я лично не сомневаюсь — не мог зарыть клад один. Но когда работа была кончена, он мог счесть за лучшее отделаться от лишних свидетелей. Быть может, двух ударов ломом, пока его сообщники еще возились в яме, оказалось достаточно; быть может, понадобился добрый десяток. Кто скажет нам это?

НИЗВЕРЖЕНИЕ В МАЛЬСТРЕМ[5]

Мы очутились на вершине самой высокой скалы. В течение нескольких минут старик, невидимому, не мог говорить от изнеможения.

— Еще не так давно, — наконец промолвил он,

---

[5] Примечания: 5
Перевод М. Богословской.

— я мог бы провести вас по этой тропе с такой же легкостью, как мой младший сын; но года три тому назад со мной случилось такое происшествие, какого еще никогда не выпадало на долю ни одного смертного, и уж во всяком случае нет такого человека, который, испытав это, остался бы в живых и мог бы рассказать об этом. И вот эти шесть часов смертельного ужаса, что я пережил тогда, сломили мой дух и мои силы. Вы думаете, что я глубокий старик, а это не так. Меньше чем за один день мои волосы, черные, как смоль, стали совсем седыми, все тело мое ослабло и нервы так расшатались, что я дрожу от малейшего усилия и пугаюсь тени. Вы знаете, стоит мне только поглядеть вниз с этого маленького утеса, как у меня сейчас же кружится голова.

«Маленький утес», на краю которого он так небрежно прилег, что большая часть его корпуса оставалась навесу и он удерживал равновесие только тем, что опирался локтем на крутой и скользкий край выступа, этот маленький утес высился прямой отвесной кручей, глянцовито-черной каменной глыбой, выступавшей на пятнадцать-шестнадцать футов выше гряды скал, теснившихся под нами. Ни за что на свете не отважился бы я подойти хотя бы на шесть шагов

к его краю.

Признаться, опасная поза моего спутника привела меня в такое смятение, что я бросился ничком на землю и уцепился за кустарники, что росли кругом, не решаясь даже взглянуть вверх на небо. Тщетно я пытался отогнать от себя мысль, что даже самое основание утеса может обрушиться от бешеного натиска яростно бушующего ветра. Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось несколько овладеть собой и я обрел в себе мужество приподняться, сесть и оглянуться кругом.

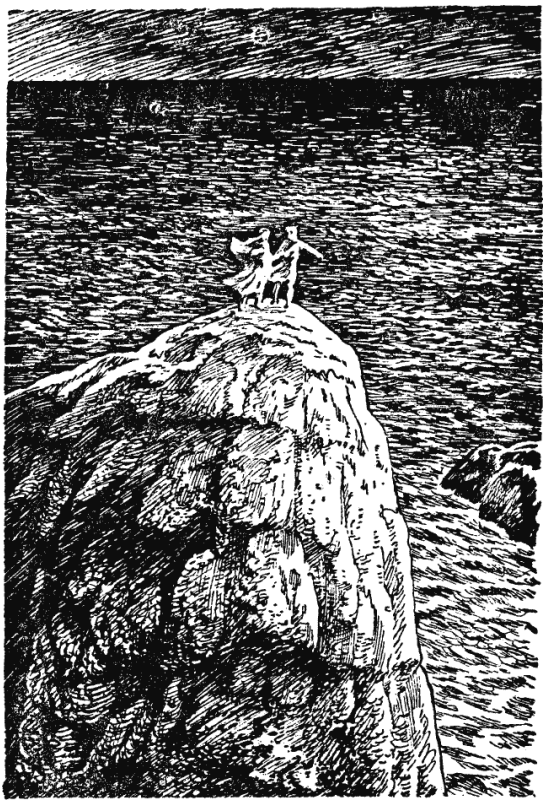
— Перестаньте выдумывать, — сказал мой проводник, — ведь я для того и привел вас сюда, чтобы вы сами увидали место этого происшествия, о котором я вам говорил. Я хочу рассказать вам эту историю, чтобы вся картина была у вас перед глазами. Мы сейчас находимся с вами, — продолжал он с той неизменной обстоятельностью, которой он отличался во всем, — над самым побережьем Норвегии, на шестьдесят восьмом градусе широты, в обширной области Нордланд, в суровом краю Лофотена. Гора, на вершине которой мы с вами сидим, называется Хмурый Хельсегген. Теперь поднимитесь-ка немножко повыше — держитесь за траву, если у вас кружит-

ся голова, вот так — и посмотрите вниз, туда, за полосу туманов под нами, в море.

Я посмотрел, и у меня потемнело в глазах: я увидел широкую гладь океана такого густого черного цвета, что мне невольно припомнилось Mare Tenebrarum[6] в описании нубийского географа. Никакая человеческая фантазия не могла бы изобразить более безотрадное, более мрачное зрелище. Направо и налево, насколько мог охватить глаз, простирались, подобно заслонам мира, безобразно черные нависшие гряды скал, глубокий мрак которых еще сильнее выступал благодаря бурунам, яростно обрушивавшим на них с неумолкаемым ревом и воем свои белые страшные гребни. Прямо против мыса, на вершине которого мы находились, на расстоянии пяти или шести миль в море виднелся маленький угрюмый островок, точнее было бы сказать, что его местоположение можно было различить сквозь высоко бурлившие вокруг него волны. Примерно мили на две ближе к берегу виднелся другой островок, поменьше, чудовищно изрезанный, голый и стиснутый глыбами тесно обступивших его темных скал.

---

[6] Примечания: 6
Mare Tenebrarum *(лат.)* — море мрака.



Поверхность океана в пространстве между более отдаленным островком и берегом имела какой-то необычный вид. Несмотря на то что ветер дул к берегу с такой силой, что небольшое судно, державшееся в открытом море под одним глухо зарифленным триселем, то и дело ныряло всем корпусом, временами пропадая из глаз, здесь не было ничего похожего на постоянную морскую зыбь, а только короткие, быстрые, гневные всплески во все стороны — и против ветра и прочь от него. Пены почти не было, она бурлила только у самых скал.

— Вон тот дальний остров, — продолжал старик, — зовется у норвежцев Вург. Этот, поближе, — Моске. Там, на милю к северу, — Либаарен. Это Ифлезен, Хойхольм, Кильдхольм, Суарвен и Буккольм. Туда подальше, между Моске и Вургом, — Оттерхольм, Флимен, Сандфлезен и Скархольм. Вот вам точные названия этих местечек, но зачем их, в сущности, понадобилось как-то называть, этого ни вам, ни мне уразуметь не дано. Вы слышите что-нибудь? Не замечаете вы никакой перемены в воде?

Мы уже минут десять находились на вершине Хельсеггена, куда поднялись из внутренней части Лофотена, так что до сих пор нам не было видно

моря, пока оно внезапно не открылось перед нами с высоты. Старик еще не успел договорить, как я услышал громкий и все возрастающий гул, похожий на рев огромного стада буйволов в американской прерии, и в ту же секунду я заметил, что сильная зыбь, называемая моряками «сечкой», стремительно перешла в быстрое течение, которое неслось на восток. И даже у меня на глазах, в то время как я следил за ним, это течение приобретало чудовищную скорость. С каждым мгновением возрастала его стремительность, его неудержимая ярость. В каких-нибудь пять минут все море до самого Вурга заклокотало в неукротимом бешенстве. Но сильнее всего бушевало оно между Моске и берегом. Здесь просторная водная ширь, изрезанная, изрубцованная тысячей встречных потоков, вдруг вздыбившись в неистовых судорогах, шипела, бурлила, свистела, закручивалась бесчисленными гигантскими водоворотами и вихрем неслась на восток с такой невообразимой быстротой, с какой водный поток может мчаться только с горной кручи.

Еще через пять минут вся картина снова изменилась до неузнаваемости. Поверхность моря стала более гладкой, водовороты один за другим исчезли, меж тем как там и сям набегали гро-

мадные полосы пены. Эти полосы разрастались, обнимая огромное пространство, и, сплетаясь одна с другой, всасывали в себя вращательное движение осевших водоворотов, словно готовясь стать очагом нового, более обширного. Неожиданно — совсем неожиданно — он вдруг выступил совершенно отчетливым и явственным кругом, диаметр которого, пожалуй, превышал милю. Водоворот этот был опоясан широкой полосой сверкающей пены; но ни один клочок этой пены не залетал в пасть чудовищной воронки. Внутренность ее, насколько в нее мог проникнуть взгляд, представляла собой гладкую, блестящую, черную, как агат, водяную стену, которая, наклоняясь к горизонту под углом примерно в сорок пять градусов, бешено вращалась кругом стремительными судорожными рывками и оглашала воздух таким душераздирающим воем — не то воплем, не то ревом, — какого даже и могучий водопад Ниагары никогда не воссылает к небесам.

Гора содрогалась в самом своем основании, и утес колыхался. Я уткнулся лицом в землю и в невыразимом смятении вцепился в чахлую траву.

— Это, конечно, и есть, — пролепетал я, обращаясь к старику, — великий водоворот Мальстрем?

— Так его иногда называют, — отозвался старик. — Мы, норвежцы, называем его Москестрем — по имени острова Моске вон там, посредине.

Обычные описания этого водоворота отнюдь не подготовили меня к тому, что я теперь видел. Описание Джонаса Рамуса, пожалуй самое подробное из всех, не дает ни малейшего представления ни о величии, ни о грозной красоте этого зрелища, ни о том непостижимо захватывающем ощущении необычности, которое потрясает зрителя. У меня нет сведений, откуда наблюдал автор это явление и в какое время; однако не с вершины Хельсеггена и не во время бури. Некоторые места из его описания стоит привести ради кое-каких подробностей, но они не обладают никакой силой выразительности, способной передать впечатление от этого зрелища.

«Между Лофотеном и Моске, —

говорит он, —

> глубина океана доходит до тридцати шести — сорока морских саженей, но по другую сторону, к Вургу, она настолько уменьшается, что здесь нет сколько-нибудь безопасного прохода для судов, и

они всегда рискуют разбиться о камни даже при самой тихой погоде. Во время прилива течение между Лофотеном и Моске бурно устремляется к берегу, но страшный гул, с которым оно во время отлива несется обратно в море, вряд ли можно сравнить с шумом самых мощных водопадов. Гул этот слышен на расстоянии нескольких десятков километров, а глубина и размеры водоворотов или воронок, которые здесь образуются, таковы, что судно, попадающее в сферу их притяжения, неминуемо втягивается водоворотом и идет ко дну, где разбивается вдребезги о камни; когда море утихает, обломки выносит на поверхность. Но эти промежутки затишья наступают только во время перерыва между приливом и отливом, в спокойную погоду, и продолжаются всего четверть часа, после чего волненье снова постепенно нарастает. Когда течение бушует и ярость его еще усиливается бурей, опасно приближаться к этому месту на расстояние норвежской мили. Баржи, яхты, корабли, во-время не заметившие опасности, погибают в

пучине. Часто случается, что киты, очутившиеся слишком близко к этому котлу, становятся жертвами разъяренного потока; и невозможно описать их неистовое мычанье и рев, когда они тщетно пытаются высвободиться. Однажды медведя, который плыл от Лофотена к Моске, затянуло в воронку, и он так ревел, что рев его был слышен на берегу. Громадные сосновые бревна и ели, поглощенные водоворотом, выносит обратно в таком растерзанном виде, что щепа на них торчит, как щетина. Это, несомненно, указывает на то, что дно здесь покрыто острыми рифами, о которые и разбивается все, что попадает в крутящийся поток. Водоворот этот возникает в связи с приливом и отливом, которые чередуются через каждые шесть часов. В 1845 году рано утром в вербное воскресенье он бушевал с такой силой и грохотом, что от домов, стоявших на берегу, не осталось камня на камне».

Что касается глубины, я не представляю себе, каким образом можно было определить ее в

непосредственной близости к воронке. Сорок саженей указывают, по-видимому, на глубину прохода возле берегов Моске или Лофотена. Глубина в середине течения Москестрема, конечно, неизмеримо больше. И для этого не требуется никаких доказательств; чтобы убедиться в этом, достаточно бросить хотя бы один беглый взгляд в пучину водоворота с вершины Хельсеггена. Глядя с этого пика на ревущий внизу Флегетон[7] я не мог не улыбнуться на то простодушие, с каким почтенный Джонас Рамус рассказывает как что-то почти невероятное анекдоты о китах и медведях, ибо мне, признаться, казалось совершенно очевидным, что самый крупный линейный корабль, очутившись в пределах этого смертоносного притяжения, мог бы противиться ему не больше, чем перышко — урагану, и был бы мгновенно поглощен целиком. Попытки объяснить это явление, насколько я помню их, казались мне довольно правдоподобными, когда я читал их. Но теперь я воспринимал их совсем по-другому, и они отнюдь не удовлетворяли меня.

По общему признанию, этот водоворот, так же как три других небольших водоворота между

[7] Примечания: 7

Флегетон — в греческой мифологии река в подземном царстве, через которую лодочник Флегий перевозит умерших.

островами Ферро, обязан своим происхождением не чему иному, как столкновению волн, которые, поднимаясь и опускаясь во время прилива и отлива, ударяются о гряды скал и рифов, сдавливающих воду так, что она обрушивается, как водопад; таким образом, чем выше поднимается поток, тем больше будет глубина его падения, и естественным результатом этого является воронка или водоворот, удивительная способность всасывания которого достаточно изучена на небольших опытах.

Так говорит Encyclopaedia Britannica[8]. Кирхер[9] и другие считают, что в середине течения Мальстрем находится пропасть, которая проходит насквозь через земной шар и выходит в какой-нибудь очень отдаленной его части. Так, например, в одном случае определенно называют Ботнический залив. Это само по себе вздорное мнение сейчас, когда я смотрел на это зрелище, больше всего привлекало мое воображение, и когда я обмолвился об этом моему проводнику, я

[8] Примечания: 8

Encyclopaedia Britannica — Британская энциклопедия.

[9] Примечания: 9

Кирхер Афанасий (1602-1680) — средневековый ученый, давший свою схему происхождения Земли. По Кирхеру, Земля представляла собой твердое тело с пустотами внутри, заполненными огнем, водою и воздухом.

очень удивился, услышав в ответ, что хотя почти все норвежцы и придерживаются этого мнения, он этого не думает. Что же касается приведенного объяснения, он просто признался, что не в состоянии этого понять, и я согласился с ним, потому что как ни убедительно оно кажется на бумаге, здесь, среди этого грохота пучины, представляется невразумительным и даже нелепым.

— Ну, вы достаточно хорошо видели водоворот, — сказал старик, — так вот теперь, если вы осторожно обогнете утес, чтобы укрыться за ним от этого грохота, я расскажу вам одну историю, которая убедит вас, что я кое-что знаю о Москестреме…

Я и два моих брата когда-то владели сообща хорошо оснащенным парусным судном, тонн эдак на семьдесят, и на этой шхуне мы обычно отправлялись на рыбную ловлю к островам за Моске, ближе к Вургу.

Во время бурных приливов на море всегда бывает хороший улов, надо только уметь выбрать подходящую минуту и иметь достаточно мужества, чтобы не упустить ее; однако из всех лофотенских рыбаков только мы трое ездили промышлять к островам. Обычно лов рыбы производился значительно ниже, к югу. Там можно

без всякого риска рыбачить в любое время, поэтому все и предпочитали охотиться там. Однако здесь, среди скал, были кое-какие местечки, где мало того что водилась разная редкая рыба, но и улов был много богаче, так что нам иногда удавалось за один день наловить столько, сколько люди более робкого десятка не добывали и за неделю. Словом, это было своего рода отчаянное предприятие. Вместо того чтобы вкладывать в него труд, мы рисковали головой, отвага заменяла нам капитал.

Мы держали нашу шхуну в небольшой бухте примерно миль на пять выше отсюда по побережью и обычно в хорошую погоду не упускали случая воспользоваться затишьем, которое наступало на четверть часа. Мы переправлялись через главное течение Мальстрема, намного выше ямы, и закидывали якорь где-нибудь около Оттерхольма или Сандфлезена, где не так бушует прибой. Мы оставались здесь до тех пор, пока снова не близилось время затишья, и тогда, снявшись с якоря, возвращались домой. Мы никогда не отправлялись в это путешествие, если не было надежного бокового ветра как туда, так и обратно (такого, за который можно было поручиться, что он не затихнет до нашего возвращения), и

редко ошибались в наших расчетах. Два раза на протяжении шести лет мы вынуждены были целую ночь простоять на якоре из-за мертвого штиля — явление поистине редкое в Здешних местах; а однажды нам пришлось целую неделю задержаться на промысле, и мы чуть не сдохли от голода. Случилось так, что вскоре после нашего приезда на лов поднялся шторм, и нельзя было даже и подумать о том, чтобы пересечь разбушевавшееся течение. Нас бы, конечно, на этот раз и без того унесло в море (потому что нашу шхуну так сильно крутило буруном, что мы в конце концов запутали якорь и легли в дрейф), если бы мы случайно не попали в одно из перекрестных течений — их здесь много, сегодня течение здесь, а завтра его нет — и оно прибило нас к Флимену, где нам удалось стать на якорь.

Я не могу рассказать вам и двадцатой доли тех затруднений, с которыми нам приходилось сталкиваться на промысле (скверное это место, даже и в тихую погоду). Однако мы ухитрялись всегда благополучно миновать страшную пропасть Москестрема. Признаться, у меня иной раз душа уходила в пятки, когда нам случалось очутиться в его водах на какую-нибудь минуту раньше или позже затишья. Бывало, что ветер оказывался

слабее, чем нам казалось, когда мы выезжали на лов, и наше судно двигалось не так скоро, как нам хотелось, а управлять им не позволяло течение. У моего старшего брата был сын восемнадцати лет, и у меня тоже было двое рослых парнишек. Они, разумеется, были бы нам большой подмогой в таких случаях и на веслах и потом на лове, но хотя сами мы всякий раз шли на риск, у нас не хватало духу подвергать опасности жизнь наших детей, потому что, сказать правду, поистине это была смертельная опасность.

Через несколько дней исполнится три года с тех пор, как произошло то, о чем я вам хочу рассказать. Это случилось десятого июля. Жители здешних мест никогда не забудут этого дня, ибо в этот день здесь свирепствовал такой ураган, какого еще никогда не посылали небеса. Однако все утро и после полудня дул мягкий, устойчивый юго-западный ветер и солнце светило ярко, так что самый что ни на есть старожил из рыбаков не мог предугадать того, что случилось.

Около двух часов пополудни мы втроем — два моих брата и я — пристали к островам и очень скоро нагрузили нашу шхуну превосходной рыбой, которая в этот день, как мы все заметили, шла в таком изобилии, как никогда прежде. Было

ровно семь по моим часам, когда мы снялись с якоря и тронулись в обратный путь, чтобы пересечь опасное течение Стрема в самое затишье, которое, как мы хорошо знали, должно было наступить в восемь часов.

Мы вышли под свежим ветром, который нас подгонял с штирборта, и некоторое время быстро подвигались вперед, не думая ни о какой опасности, потому что и в самом деле не видели никаких причин для опасений. Вдруг ни с того ни с сего навстречу нам поднялся ветер с Хельсеггена. Это было что-то совсем необычное, чего до сих пор никогда не бывало, и у меня защемило на сердце, сам не знаю почему. Мы поставили паруса по ветру, но не могли двинуться с места из-за встречного течения, и я уже собрался было предложить братьям повернуть обратно и стать на якорь, но в эту минуту, оглянувшись назад, мы увидели, что надо всем горизонтом нависла какая-то необыкновенная, совершенно медная туча, которая росла с невероятной быстротой. Между тем налетевший на нас спереди ветер исчез, наступил мертвый штиль, и нас только кружило во все стороны течением. Но это продолжалось так недолго, что мы даже не успели обсудить, как выйти из положения. Не прошло

и минуты, как на нас обрушился шторм, еще минута — и все небо заволокло, море запенилось и начало хлестать, и мгновенно наступил такой мрак, что мы перестали видеть друг друга. Бессмысленно даже и пытаться описать этот ураган. Ни один из самых старых норвежских моряков не видывал ничего подобного. Мы успели спустить наши паруса, прежде чем на нас налетел шквал, но при первом же порыве вихря обе наши мачты рухнули за борт, будто их спилили, и грот-мачта увлекла за собой моего младшего брата, который привязал себя к ней из предосторожности.

Наша шхуна отличалась необыкновенной легкостью — она скользила по волнам, как перышко. Палуба у нее была сплошного настила, с одним только небольшим люком в носовой части; этот люк мы обычно всегда задраивали, перед тем как переправляться через Стрем, чтобы нас не захлестнуло «сечкой», и если бы не эта предосторожность, то на этот раз мы бы сразу пошли ко дну, потому что на несколько секунд мы совершенно зарылись в воду.

Каким образом мой старший брат избежал гибели, я не могу сказать, потому что мне не пришлось его об этом спросить. А я, как только у меня вырвало из рук фокзейль, бросился ничком на

палубу и, упершись ногами в шкафут, вцепился что есть силы в рымболт у подножия фок-мачты. Конечно, я это сделал совершенно инстинктивно, и это было лучшее, что я мог сделать, потому что в эту минуту я неспособен был соображать. На несколько секунд, как я уже вам говорил, нас совершенно затопило, и я лежал не дыша, цепляясь обеими руками за болт. Когда я почувствовал, что силы изменяют мне, я приподнялся на колени, не выпуская болта из рук, и высунул голову из воды. В это время наше суденышко встряхнулось, точь-в-точь как пес, выскочивший из воды, и таким образом как-то вывернулось из потока. Мне стоило большого труда выйти из столбняка, в котором я находился, и кое-как овладеть собой, чтобы быть в состоянии сообразить, что мне делать, как вдруг меня схватил кто-то за руку. Это был мой старший брат, и я страшно обрадовался, потому что я был уверен, что его смыло за борт. Но радость моя мгновенно сменилась ужасом, когда он, приблизив губы к моему уху, выкрикнул одно слово: «Москестрем!»

Никто не сможет понять, что почувствовал я в эту минуту. Я затрясся с головы до ног, точно в каком-то страшном лихорадочном ознобе. Я хорошо понял, что означало в его устах это одно един-

ственное слово. Ветер гнал нас вперед, прямо к водовороту Стрема, и ничто не могло нас спасти.

Вы понимаете, что обычно, пересекая течение Стрема, мы всегда старались держаться как можно выше, подальше от водоворота, даже в самую тихую погоду, и при этом зорко следили за началом затишья, а теперь нас несло в самый котел, да еще при таком урагане.

«Но ведь мы, наверно, будем там как раз в самое затишье, — подумал я. — Есть еще маленькая надежда», и тут же обругал себя, потому что только сумасшедший мог вообразить себе, что для нас могла быть какая-нибудь надежда.

К этому времени первый бешеный натиск бури утих или, может быть, мы не так чувствовали его, потому что ветер дул нам в корму, но, во всяком случае, волны, которые сперва лежали низко, прибитые ветром, и только пенились, теперь вздыбились и превратились в настоящие горы.

В небе также произошла какая-то странная перемена. Со всех сторон кругом оно было черное, как деготь, и только прямо у нас над головой в нем прорвалась круглая яркая-яркая щель глубокой сверкающей лазури, и из нее выглянула полная луна; от нее шло такое сияние, какого я никогда не видел до сих пор. Она озарила все кругом, и все

выступило с необыкновенной отчетливостью. О боже, какое зрелище выступило в этом сиянии!

Я несколько раз пытался заговорить с братом, но, непонятно почему, шум до такой степени усилился, что я никак не мог добиться, чтобы он расслышал хотя бы одно мое слово, несмотря на то что изо всех сил кричал ему прямо в ухо. Вдруг он покачал головой и, бледный как смерть, поднял палец, точно говоря: «Слушай».

Сперва я не мог понять, что он хочет этим сказать, но тотчас же у меня мелькнула страшная мысль. Я вытащил из кармана часы. Они не шли. Я поднял их на свет и поглядел на циферблат. Слезы хлынули у меня из глаз, и я швырнул часы в море. Они остановились в семь часов! Мы пропустили время затишья, и водоворот Стрема сейчас бушевал вовсю.

Если судно сбито прочно, хорошо оснащено и не слишком нагружено, волны при сильном шторме в открытом море всегда словно выскальзывают из-под него; людям, которые привыкли всегда жить на суше, это кажется странным, а у нас на морском языке это называется «оседлать волны».

Так вот, до сих пор мы очень благополучно держались «в седле», как вдруг огромная волна подкатила к нам под самую корму и, взметнув-

шись, потащила нас вверх, выше, выше, словно под самое небо. Я бы никогда не поверил, что волна может так высоко подняться. А потом, крутясь и ныряя, мы стремглав полетели вниз, так что у меня захватило дух и потемнело в глазах, как будто я падал во сне с высокой-высокой горы. Но пока мы еще были наверху, я успел бросить взгляд по сторонам, и одного этого взгляда было достаточно. Я тотчас же понял, где мы находимся. Водоворот Москестрема лежал прямо перед нами, на расстоянии всего четверти мили, но он был так не похож на обычный Москестрем, как вот этот водоворот, который вы видите, на мельничный ручей. Если бы я еще раньше не догадался, где мы и к чему мы должны быть готовы, я бы не узнал этого места. И я невольно закрыл глаза от ужаса. Веки мои сами судорожно сомкнулись.

Прошло не больше двух-трех минут, как вдруг мы почувствовали, что волны отхлынули и нас окутала пена. Шхуна круто повернула на левый борт и с молниеносной быстротой ринулась в этом направлении. В то же мгновение оглушительный грохот волн совершенно потонул в каком-то пронзительном вое — представьте себе несколько тысяч пароходов, которые все сразу вместе свистят всеми своими выпускными

трубами.

Мы очутились теперь в полосе пены, всегда окружающей водоворот. Я, конечно, подумал, что в следующее мгновение нас швырнет в бездну, которую мы только смутно различали, потому что мы кружили над ней с невероятной быстротой. Шхуна наша как будто совсем не погружалась в воду, а скользила, как пузырь, по поверхности зыби. Правый ее борт был обращен к водовороту, а слева громоздился необъятный, покинутый нами океан. Он высился подобно огромной, судорожно запрокидывающейся стене между нами и горизонтом.

Это может показаться странным, но теперь, когда уже мы были в самой пасти водяной бездны, я был спокойнее, чем тогда, когда мы еще только приближались к ней. Сказав себе, что надеяться не на что, я почти избавился от того страха, который так парализовал меня сначала. Должно быть, отчаянье взвинтило мне нервы.

Можно подумать, что я хвастаюсь, но я вам говорю правду: мне представилось, как это должно быть величественно — погибнуть такой смертью, и как безрассудно в такую минуту, пред столь чудесным проявлением могущества бога, думать о таком пустяке, как моя собственная жизнь. Мне

кажется, что я весь вспыхнул от стыда, когда эта мысль пронеслась в моем сознании. Спустя некоторое время мысли мои обратились к водовороту, и мной овладело чувство жгучего любопытства. Меня положительно тянуло проникнуть в его глубину, и мне казалось, что для этого стоит пожертвовать жизнью. Я только очень сожалел о том, что никогда уже не смогу рассказать старым товарищам, оставшимся на суше, о тех чудесах, которые увижу. Конечно, это странно, что у человека перед лицом смерти могли возникнуть такие нелепые фантазии; я потом часто думал, что, может быть, это бесконечное кружение вокруг бездны несколько помутило мой разум.

Было, между прочим, еще одно обстоятельство, которое помогло мне овладеть моими чувствами: это отсутствие ветра, который теперь не достигал нас. Как вы сами видели, полоса пены находится значительно ниже уровня океана — он громоздился над нами высокой черной необозримой стеной. Если вам никогда не случалось быть на море во время сильной бури, вы не в состоянии даже и представить себе, до какого исступления может довести ветер и хлестанье пены. Они слепят, оглушают, не дают вам вздохнуть, лишают вас всякой способности действовать или сооб-

ражать. Но теперь мы были почти избавлены от этих неприятностей — так осужденный на смерть преступник в тюрьме пользуется некоторыми маленькими льготами, которых он был лишен, когда участь его еще не была решена.

Сколько раз совершили мы круг по краю водоворота, сказать невозможно. Нас вертело кругом, кругом, может быть, около часа; мы не плыли, а словно летели, подвигаясь все больше и больше к середине пояса, потом ближе и ближе к его зловещему внутреннему краю. Все это время я не выпускал из рук рымболта. Мой старший брат лежал на корме, ухватившись за маленький пустой бочонок из-под воды, который был крепко прикручен к кормовому навесу; это была единственная вещь на палубе, которую не снесло за борт, когда на нас налетел ураган. Когда мы уже совсем приблизились к краю воронки, брат вдруг выпустил из рук бочонок и, бросившись к болту, вне себя от ужаса пытался оторвать от него мои руки, так как вдвоем за него уцепиться было негде. Никогда в жизни не испытывал я такого огорчения, как от этого его поступка, хотя я понимал, что он делает это, не помня себя, что он совсем обезумел от страха. У меня и в мыслях не было вступать с ним в борьбу. Я знал, что ни

для кого из нас ничего не изменится, будем мы за что-нибудь держаться или нет. Я уступил ему болт и перешел на корму, к бочонку. Сделать это не представляло большого труда, потому что шхуна наша в своем вращении держалась довольно устойчиво, не кренилась на борт и только покачивалась взад и вперед от гигантских рывков и содроганий водоворота. Едва я успел примоститься на новом месте, как вдруг мы резко опрокинулись на штирборт и стремглав понеслись в пропасть. Я прошептал поспешно какую-то молитву и решил, что все кончено. Во время этого головокружительного падения я инстинктивно вцепился изо всех сил в бочонок и закрыл глаза. В течение нескольких секунд я не решался их открыть, я ждал, что вот-вот сейчас наступит конец, и не понимал, как это может быть, что я еще не вступил в смертельную схватку с потоком. Но секунды проходили одна за другой. Я был жив. Я перестал чувствовать, что мы летим вниз; шхуна, казалось, двигалась совершенно так же, как и раньше, когда она была в полосе пены, с той только разницей, что теперь она как будто глубже сидела в воде. Я собрался с духом и, открыв глаза, поглядел на то, что делалось вокруг.

Никогда не забуду я ощущения благоговейного

трепета, ужаса и восторга, охвативших меня. Шхуна, казалось, повисла, задержанная какой-то волшебной силой, на половине своего пути в бездну, на внутренней поверхности огромной круглой воронки невероятной глубины; ее совершенно гладкие стены можно было бы принять за черное дерево, если бы они не крутились с головокружительной быстротой и не отбрасывали от себя мерцающее прозрачное сияние лунных лучей, которые золотым потоком струились вдоль черных стен, проникая далеко вглубь, в самые недра бездны.

Сначала я был так ошеломлен, что не мог ничего разглядеть. Всеобъемлющее грозное величие — вот все, что открылось моему зрению. Когда я немножко пришел в себя, взгляд мой невольно устремился вниз. В этом направлении для глаза не было никаких преград, ибо шхуна наша висела на наклонной поверхности воронки. Она держалась совершенно ровно, иначе говоря — палуба ее представляла собой плоскость, параллельную плоскости воды, но эта последняя круто опускалась, образуя угол свыше сорока пяти градусов, так что мы были как бы опрокинуты на бок. Однако я не мог не заметить, что, несмотря на такое положение, я почти без труда сохранял равно-

весие, как если бы мы держались совершенно горизонтально; должно быть, это объяснялось скоростью нашего вращения.

Лунные лучи, казалось, нащупывали самое дно пучины; но я по-прежнему не мог ничего различить, так как все было окутано густым туманом, а над ним висела сверкающая радуга, подобная тому узкому, колеблющемуся мосту, который, по словам мусульман, является единственным переходом из Времени в Вечность. Этот туман, или водяная пыль, возникал, вероятно, от столкновения гигантских стен воронки, когда они все сразу встречались на дне; но вопль, который поднимался из этого тумана и летел к небесам, я не берусь описать. Когда мы сорвались в бездну из пояса пены, нас сразу увлекло на очень большую глубину; но после этого мы спускались отнюдь не равномерно. Мы носились кругом, кругом не ровным, плавным движением, а стремительными рывками и толчками, которые то швыряли нас вперед всего на сотню ярдов, то заставляли лететь так, что мы сразу описывали чуть ли не полный круг. И с каждым оборотом мы опускались ниже, медленно, но очень заметно.

Я озирался кругом, вглядываясь в огромную пустыню струящегося черного дерева, по которой

мы кружились, и Заметил, что наша шхуна была не единственной добычей, Захваченной пастью водоворота.

Над нами и ниже нас виднелись обломки судов, громадные бревна, стволы деревьев и масса мелких предметов, разная домашняя утварь, разломанные ящики, доски, бочонки. Я уже говорил о том неестественном любопытстве, которое овладело мной, вытеснив первоначальное чувство страха. Оно как будто все сильней разгоралось во мне, по мере того как я все ближе и ближе подвигался к страшному концу. Я с необыкновенным интересом разглядывал все эти предметы, кружившиеся заодно с нами. Может быть, я был в бреду, потому что мне даже доставляло удовольствие загадывать, какой из этих предметов скорее умчится в пену на дно. Вот эта сосна, говорил я себе, сейчас непременно сделает страшный прыжок, нырнет и исчезнет, и я очень разочаровался, когда остов голландского торгового судна опередил ее и первый провалился в пучину. Наконец, после того как я несколько раз загадывал и всякий раз ошибался, этот самый факт — это постоянство, с которым я каждый раз обманывался в своих догадках — натолкнул меня на некоторые размышления, от которых я снова

весь задрожал с головы до ног, а сердце мое снова неистово заколотилось.

Но причиной этого был не страх, а неясный проблеск самой бурной надежды. Надежда эта была вызвана к жизни некоторыми воспоминаниями и в то же время моими теперешними наблюдениями. Я припоминал весь тот разнообразный хлам, которым усеян берег Лофотена, все, что когда-то было поглощено Москестремом и потом выброшено им обратно. Большей частью это были совершенно изуродованные обломки, истерзанные и расколоченные до такой степени, что от них во все стороны торчали щепки, но сейчас я припоминал совершенно отчетливо, что среди этого хлама иногда попадались предметы, которые совсем не были изуродованы. Я не мог найти этому никакого объяснения, кроме того, что из всех этих предметов только те, что превратились в обломки, были увлечены на дно, другие же, потому ли, что они много позже попали в водоворот, или по какой-то иной причине, спускались очень медленно и не успели дойти до дна, так как наступала смена прилива или отлива. Я допускал и в том и в другом случае, что они могли быть вынесены на поверхность океана, не подвергшись участи тех предметов, которые

были втянуты раньше или почему-то затонули скорее. При этом я сделал еще три важных наблюдения. Первое — как общее правило: чем больше были предметы, тем скорее они опускались; второе: если из двух тел одинакового объема одно было сферическим, а другое какой-нибудь иной формы, сферическое опускалось быстрее; если из двух тел одинаковой величины одно было цилиндрическим, а другое любой иной формы, цилиндрическое погружалось медленнее. После того как я спасся, я несколько раз беседовал на эту тему с нашим старым школьным учителем. От него я и научился употреблению этих слов — «цилиндр» и «сфера». Он объяснил мне, хотя я и забыл его объяснения, каким образом то, что мне пришлось наблюдать, являлось, в сущности естественным следствием форм плавающих предметов и как это получилось, что цилиндр, попавший в водоворот, оказывал большее сопротивление его всасывающей силе и втягивался труднее, чем какое-нибудь другое, равное ему по объему тело, обладающее любой иной формой.

Было еще одно удивительное обстоятельство, в большой мере подкрепившее мои наблюдения, оно-то сильнее всего и побудило меня попытаться воспользоваться ими для своего спасения:

каждый раз, описывая круг, мы обгоняли то бочонок, то что-то вроде реи или мачты, и многие из этих предметов, которые были на одном уровне с нами в тот момент, когда я только что открыл глаза и увидел эти чудеса водоворота, теперь кружили высоко над нами и как будто почти не сдвинулись со своего первоначального уровня.

Я больше не колебался. Я решил привязать себя как можно крепче к бочонку из-под воды, за который я держался, отрезать его от каната, которым он был прикручен к корме, и броситься с ним в воду. Я постарался знаками привлечь внимание брата, я показывал ему на проплывавшие мимо нас бочки и всеми силами старался дать ему понять, что я собираюсь сделать. Мне кажется, он в конце концов понял мое намерение, но только безнадежно покачал головой и не захотел сдвинуться с места. Дотянуться до него было невозможно; каждая секунда промедления грозила гибелью. Итак, я скрепя сердце предоставил брата его собственной участи, привязал себя к бочонку той самой веревкой, которой он был прикручен к корме, и, не задумываясь, бросился в пучину.

Результат оказался в точности таким, как я надеялся. Так как я сам рассказываю вам эту

историю и вы видите, что я спасся, и знаете из моих слов, каким образом мне удалось спастись, а следовательно, можете уже сейчас предугадать все, чего я еще не досказал, я постараюсь в немногих словах закончить мой рассказ. Прошел, быть может, час или немногим больше после того, как я покинул шхуну, которая уже успела опуститься значительно ниже меня, как вдруг она стремительно перевернулась три-четыре раза и, унося с собой моего возлюбленного брата, нырнула в пучину и навсегда исчезла из глаз в бушующей пене внизу. Бочонок, к которому я был привязан, прошел уже чуть-чуть больше половины расстояния до дна воронки от того места, где я прыгнул, когда в самых недрах водоворота произошла решительная перемена. Покатые стены гигантской воронки стали внезапно и стремительно терять свою крутизну, их бурное вращение постепенно замедлялось и замедлялось. Туман и радуга малопомалу исчезли, и дно пучины, казалось, начало медленно подниматься. Небо было ясное, ветер затих и полная луна, сияя, катилась к западу, когда я очутился на поверхности океана против берегов Лофотена, над тем самым местом, где только что зияла пропасть Москестрема. Это было время затишья, но море после урагана все еще

дыбилось громадными волнами. Течение Стрема подхватило меня и через несколько минут вынесло к рыбацким промыслам. Меня подобрала лодка. Я был еле жив, и теперь, когда опасность миновала, я не мог выговорить ни слова, онемев от пережитого мной ужаса. Меня подобрали мои старые приятели рыбаки, но они не узнали меня, как нельзя узнать выходца с того света. Волосы мои, еще накануне черные, как смоль, стали, как вы сами видите, совершенно седыми. Говорят будто и лицо у меня стало совсем другое. Я потом рассказал им всю эту историю, но они не поверили мне. И я сильно сомневаюсь, что вы способны поверить этому больше, чем беспечные лофотенские рыбаки.

Цена 2 руб.